

Ф
И
Л
О
С
О
Ф
И
Я

Подписная
научно-
популярная
серия

2'90

Философия и жизнь

**Ф. И. Гиренок
РУССКИЕ
КОСМИСТЫ**

Н. Ф. Федоров

К. Э. Циолковский

В. И. Вернадский

А. Л. Чижевский

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

ФИЛОСОФИЯ И ЖИЗНЬ

(Пржнее название серии «Философия»)

2/1990

Издается ежемесячно с 1960 г.

Ф. И. Гиренок,

доктор философских наук

РУССКИЕ КОСМИСТЫ

(ИЗ ЦИКЛА «СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ»)

специально для www.koob.ru

Издательство «Знание» Москва 1990

ББК87.3

Г 51

Автор: ГИРЕНОК Федор Иванович — доктор философских наук, ученый секретарь Центрального совета философских (методологических) семинаров при президиуме АН СССР.

Редактор: *Л. К. КРАВЦОВА*

Гиренок Ф. И.

Г 51 Русские космисты (Из цикла «Страницы истории отечественной философской мысли»). — М.: Знание, 1990. — 64 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Философия»; № 2).

ISBN 5-07-001209-6

15 к.

Почему во второй половине XX в. стал так привлекателен для многих исследователей феномен русского космизма? Как возник этот идейный комплекс? Кто его разрабатывал? К каким истокам культуры он принадлежит? На эти и другие вопросы, связанные с изучением истории отечественной мысли, отвечает автор брошюры. В работе дается анализ идейных инициатив, с которыми выступили русские космисты в области изучения связей человека с природой.

0301020000

ББК 87.3

5-07-001209-6

© Гиренок Ф. И., 1990 г.

ВВЕДЕНИЕ

В XX в., т. е. на наших глазах, произошло опустынивание земли и опустошение человека. Это известно сегодня всем. Оно просматривается и в экологии природы, и в экологии человека. Но структура пути, ведущего к опустошению человека, осознавалась и обозначалась философией давно, правда, в разных словах и теориях. Например, европейская философская мысль второй половины XIX в. и первой половины XX в. постоянно напоминала о том, что нет такого «предмета», как человек. Почему нет? Потому что человек — это не корзина с яблоками. Он не заполнен свойствами. Ведь предмет всегда тождествен самому себе, а человек возникает в стороне от этого тождества. «Человек- предмет» — это пустой человек, ибо в нем нет самоопределения. Но это значит, что людьми не рождаются, а становятся. Ведь если бы людьми рождались каким-то натуральным рождением, то не было бы такой задачи — стать человеком. Зачем? Ведь уже люди, и ничего не надо для этого делать. То есть мы пусты, если в нас нет ничего такого, что бы мы сделали сами. Но это опасный путь для человека, так как он ведет его к опустошению.

А вот станет ли кто человеком или не станет — это еще вопрос. Никто никаких гарантий дать нам не может. Все мы и всегда — лишь «существование», которому недостает сущности. Почему? Потому что она чуть впереди и еще не случилась или (что то же самое) не успела еще сложиться. И люди не должны забывать о том, что они люди, а не предметы, сущность которых заранее известна. Знающие сущность человека могут (помимо прочего) использовать это знание для обслуживания своего существования. Подменяя бытие тем, что просто есть и что можно иметь, человек не может не вступить на путь опустошения.

Европейская философия возрождает представление о связи человеческой жизни с жизнью космического целого в тот момент, когда развитие естественнонаучного знания, наложившее свою печать на всю человеческую культуру, поставило идею связности мирового целого под сомнение. Природа есть природа, а человек — это человек, и вместе им нет места. Эта формула делала осмысленным естественнонаучное знание, которое основывается на Идее о том, что знание о природе строится вне зависимости от того, что мы знаем о человеке. И наоборот. А. Бергсон, Тейяр де Шарден и другие философы, не удовлетворенные разрывами между жизнью и разумом, человеком и космосом, стремились восстановить утраченное понимание целостности бытия. Ими восстанавливалась мысль о полном взаимодействии субстанций как необходимом условии существования человека. На опасные последствия опустошения природы, поставленной человеком на службу технологии, указывал М. Хайдеггер.

Аналогичные проблемы занимали не последнее место в истории общественной и философской мысли России. Еще в 60-е гг. прошлого века Ф. М. Достоевский призывал судить о человеке не по тому, что он есть, а по тому, кем он хотел бы стать. Ведь сам по себе человек ничто, и нечто в нем появляется стремлением найти бога. Русский публицист начала XIX в. Н. Страхов, «рассматриватель жизни и нравов» России, с удивлением писал в 1811 г. о том, что на место суеверий прежних веков пришла не долгожданная научная истина, а «чудище неверия»¹. Если прежде люди имели «тысячи ложных богов», то нынче они «не признают и единого бога» Ощущение непреднамеренного обмана со стороны прогресса, подсовывающего не лестницу к раю, а «цепь, протянутую к самому аду ничтожества»³, оказалось не таким уж и беспочвенным.

История, как заметил русский философ В. Ф. Эрн, катилась от Канта к Крупну. Славянофилы К. Аксаков, И. Киреевский, А. Хомяков упрямо твердили о том, что «душа у людей убывает», что грядет «пустодушие» человека. Исторический разум «импровизируется», говорил А. Герцен, требуя объяснить ему, почему верить в бога смешно, а верить в человечество не смешно; почему надеяться на царство небесное глупо, а уповать на земное блаженство умно. Человек достиг предела своей не-

космичности в автоматизме действия искусственного. Искусственное принадлежит к области сделанного, а естественное воспроизводит условия существования невоспроизводимых вещей. Космос естествен, а искусственное «машиноподобно», и этим своим подобием оно «отрывает цивилизацию от космоса», одного человека от другого. Как бы подхватывая эти мысли Н. Бердяева, В. Розанов призывал к бунту против того, что унижает естество, а С. Трубецкой советовал, несмотря ни на что, держать внутри себя собор со всеми. Соборность — это внутреннее содержание человека, т. е. для того, чтобы появился один человек, требуется много людей, и это множество должно сохраняться в действиях единого.

Земное, слишком земное человечество. Таков главный мотив любой формы космизма. Вместо того чтобы держать собор со всем миром-космосом, оно (человечество) поступает на «содержание» случайностям прогресса. Чтобы разложить содержание земной жизни человека, требуется совсем немного. Нужно разложить определенную форму сознания, и тогда бытие, удерживаемое сознанием, распадется. Вот этот образ «распадающегося бытия» и попытки найти для него неземную форму доминируют в космизме вообще и определяют его место в идейном комплексе отечественной и европейской мысли.

Это умонастроение не отвечало духу времени, когда началось «опустошение» человека и природы. Для того чтобы с наименьшими затратами живого труда производить наибольшее количество «мертвых» предметов, требуются наука и технология. В XIX в. Россия, перекрестившись, пустилась в плавание по океану научно организованных технологий. Мерная поступь к острову гуманизма опиралась не на ум, а на мускулы природы и человека. Демонстрация победоносности машинной, т. е. «мускульной технологии», не могла не очаровать сознание передовой российской интеллигенции, усматривавшей в этом движении универсальное пространство преобразований несовершенных человеческих масс в союз совершенных личностей.

В то же время в России начинают разрушаться социальные структуры, символом которых была община, и возникают новые социальные связи, символом которых стало формально организованное общество.

Обе эти тенденции, как я думаю, строились на целенаправленном и систематическом превращении знания в силу. Превращенное знание, т. е. сила, порождает и воспроизводит упрощенный образ мира. Чем проще, тем ближе к истине. Благодаря этой идее и основанным на ней действиям явился ранее невиданный порядок вещей. «...Мир сделался машиной», а человек «как будто в нем пружиной»⁴.

Если знание стало силой, то уже не надо спорить о том, «машина ли сделалась миром» или «мир сделался машиной». Важно не оказаться в положении тех былинных богатырей, которые, полагаясь на свою силу, вызвали на бой силу нездешнюю, небесную⁵. Разрубит витязь своего соперника пополам, а на его месте уже двое и оба живы. Побьет двоих, а их уже четверо, и земная логика не срабатывает. Не выдержали богатыри состязания и окаменели.

На фоне этого образа-символа вырастает понимание «любоумудрами» того направления, в котором стало развиваться превращенное знание и основанная на нем цивилизация. На фоне этого же образа рассматривал перспективы развития науки и К. Э. Циолковский. «...Как наука ни старайся, природа все время ставит ей новые и новые задачи величайшей сложности! ...Выходит, что либо человек не дорос до решения такого рода проблем, либо природа хитрит с ним, боится его, как бы он не узнал более, чем то положено по уставу. А об этом уставе мы тоже ничего не знаем. Опять «темно в облацах». Выходит, что мы стоим перед непроглядной стеной неизвестности»⁶. Когда сила заменяет ум, а решение одной проблемы порождает две новые, тогда люди либо меняют логику своих действий, либо «окаменевают». Рискую «окаменеть», человеческая цивилизация бросается из одной технологической волны в другую. Но не искусственным порядком вещей, не «мускульной технологией», а органическими связями целого держится тот мир, в котором живут люди. На фоне этих смысловых различий и альтернатив в середине XIX в. возникает феномен русского космизма.

ТРИ ТЕЧЕНИЯ

В русском космизме обычно выделяются три течения: естественнонаучное, религиозно-философское и поэтически-художественное. В естественнонаучной форме идеи кос-

мизма развивались Н. А. Умовым, В. И. Вернадским, К. Э. Циолковским, Н. Г. Холодным, А. Л. Чижевским. В трудах этих ученых осознается потребность в разработке новой картины мира.

Существует по крайней мере две точки зрения на мир. Для одной из них мир есть космос, для другой — мир есть история. Если мир — космос, то в нем (с ним) уже все было и круговорот событий не оставляет человеку надежды на будущее, т. е. надежды на то, что в этом мире с моим участием что-то впервые может появиться. Если мир — история, то в этом мире еще не все явлено и есть надежда на будущее. Для древних греков мир был космосом, для первых христиан — историей. В русском космизме возрождается космоцентризм древних греков. Но отправной точкой этого возрождения выступает опыт историцистского сознания, оставляющего возможность для свободного определения мира человеком.

Для того чтобы изменить традиционную картину мира, постулирующую случайность человеческого существования в структуре космических процессов, необходимо, писал В. И. Вернадский, ввести жизнь в самую основу космоса, в атомы. Идея «атомарности жизни» созвучна синтетической (интеграционной) тенденции в развитии науки и по своему существу связана с представлениями о целостности природы, развиваемыми отечественной школой естествоиспытателей второй половины XIX в. (В. В. Докучаевым, А. И. Воейковым Д. Н. Анучиным и др.).

Религиозно-философское направление русского космизма связано прежде всего с именем Н. Ф. Федорова. Язык Федорова самобытен и экстравагантен. Не придираясь к этому свойству его языка, мы можем увидеть напряжение мысли, обеспокоенной судьбой человека, вовлеченного в ритм бесконечного становления истории. Если всякое настоящее оказывается всего лишь ступенькой к будущему, то вереница этих ступенек никогда не закончится, история не совершится и останется бесконечно не совершенной. История имеет смысл, если она конечна, т. е. выполняется. Только конечное обладает полнотой. В этом смысле конечен и космос. Для того чтобы увидеть «космос» истории, нужно соскочить со ступенек прогресса, превращающего настоящее в средство для будущего, т. е. по словам Н. Ф. Федорова, воскресить все когда-либо жившее и победить смерть как

условие бесконечного прогресса истории. Вторник не прогрессивнее понедельника, а октябрь не выше февраля. И если сегодня кто-то рождается, то не потому, что вчера кто-то умер. Смерть не условие жизни. Смерть — проблема истории, а не космоса.

Поэтически-художественное направление в русском космизме представлено В. А. Левшиным, С. П. Дьячковым, В. Ф. Одоевским, А. В. Сухово-Кобылиным. В нем отражены поиски связей между истиной и смыслом человеческого существования. Связи бытия, реализующие смысл бытия, составляют «космос» истории. Понимание космичности жизни характерно и для Ф. М. Достоевского, и для В. С. Соловьева. Хотя ни тот ни другой не разрабатывали тему космизма в виде какого-то особого направления мысли.

Помимо этических следствий разложения связей человека со своим лоном (вселенной), русский космизм указывает на экологические (или, как говорил Н. Ф. Федоров, санитарно-гигиенические) последствия этого распада. Экологические проблемы являют нам не мир как историю, а мир как космос. Видимо, не случайно в 1913 г. русский ученый Н. А. Умов пишет статью «О задачах развития техники в связи с истощением природных ресурсов». В этом же году отечественный философ С. Л. Франк вводит в научный оборот специальный термин «ноократия» для обозначения нового этапа в отношении человека к природе. Позднее, под влиянием лекций В. И. Вернадского о биосфере, нечто подобное сделает французский философ Э. Леруа. Он создаст термин «ноосфера». В 1922 г. ученик Вернадского А. Е. Ферсман поставит вопрос о пределах развития человеческой культуры в связи с ограниченностью запасов природных ресурсов. Через 50 лет появятся «Пределы роста» Римского клуба. Возникнет интерес к экологической этике.

В русском космизме выделяются три течения, по каждое из них было занято поисками сознания, которым можно было бы «зацепить» и удержать распадающийся человеческий мир. И в этом смысле не так уж и важно, кристаллизуются ли эти поиски в виде философии «общего дела», учении о ноосфере и множественности разумных миров или в представлениях о заселении людьми космоса. В любом случае (по словам советского

биолога Н. Г. Холодного) осуществляется прорыв к «философии света и радости»¹.

ИМЕНА И ИСТОРИЯ

В 1912 г. в журнале «Современник» появилась симптоматическая статья П. Н. Сакулина под названием «Русская Икария»¹. В ней излагались идеи утопического романа В. Ф. Одоевского «...4338-й год. Петербургские письма». Это произведение было написано в конце 30-х гг. XIX в.² Сам жанр утопического романа известен в России начиная с «Путешествия в землю Офирскую» М. М. Щербатова. В этом смысле появление романа В. Ф. Одоевского не было полной неожиданностью. Но по закону случайного совпадения в 1840 г. во Франции увидел свет также роман-утопия французского утописта Э. Кабе «Путешествие в Икарию», описывающий республику с коммунистическим строем³. Возможно, что П. Н. Сакулин, изучая утопию В. Ф. Одоевского, провел между ним и Кабе какое-то непреднамеренное сравнение, ибо Одоевский счел возможным сохранить в 44-м веке не республику, а монархию. Так или иначе, но в результате анализа взглядов Одоевского появился термин «Русская Икария».

Сакулину удалось точно подметить главную особенность утопии Одоевского: ее космическую направленность, а также убеждение в том, что русским летать по воздуху то же, что другим народам ездить по железной дороге. Не излагая утопическую Концепцию Одоевского, замечу, что по ее «прогнозу» в 44-м веке люди приобретут почти полную власть над природой, изменят климат, начнут управлять движением воздушных масс, обживут Луну, создадут новые сорта растений, разрешат проблему народонаселения и т. д. Но главное — они выйдут в космос.

В мировой литературе тема «космических путешествий» разрабатывалась разными мыслителями: древнегреческим писателем Лукианом в «Икароменипе», итальянским поэтом Л. Ариосто в «Неистовом Роланде», немецким астрономом И. Кеплером в «Сновидениях или лунной астрономии» и т. д. В России литературный сюжет на эту тему, пожалуй, впервые использовал писатель и экономист-аграрий В. А. Левшин. В 1784 г. появилось его сочинение «Новейшее путешествие...». «Есть

несчетно земель, — провозглашал герой путешествия Нарсим, — населенных тварями, противу коих вы можете почесться кротами и мошками»⁴. Чуть позже в журнале «Уrania» будет объявлено о той, что человек «входит во все права Гражданина Вселенной. Земля, его отечество, становится только одной из нераздробленных точек, которыми усеяна бездна»⁵. Столетие спустя назовет себя «Гражданином Вселенной» К. Э. Циолковский. Само это словосочетание создает какое-то скрытое символическое содержание. Русский историк XIX в. А. П. Щапов, например, обратил внимание на одну деталь. Сетуя на бедность русского языка и рассуждая о том, что ему (языку) не хватает абстрактных понятий, он ссылается на слово «вселенная». Ни немцам, ни грекам оно не знакомо. В словаре этих языков он не смог обнаружить что-либо похожее на такое уродливое словечко, как «вселенная». Космос у них есть, а Вселенной нет. Но «космос» довольно абстрактный термин, а «вселенная» уж слишком своеобразна и антропоморфна. Из этого слова, как ни смотри, выглядывают «уши» человека, то бишь русского мужика, занятого привычным делом. Каким? Вселением в дом. Первым, ведь второго не бывает. Поэтому-то и абстрактный космос он (этот мужик) понимает конкретно, в качестве того места, куда ему еще нужно вселиться. Точно так же, как вселяются люди в новый дом. То есть космос для него — Вселенная, а сам он гражданин этой Вселенной. Например, Афанасий Холмогорский в своих грамотах Соловецкому монастырю называет вселенной также и землю Московского государства, гражданином которого он был.

Русский космизм потому и называется русским (в отличие от всех других космизмов), что космос в нем предстает в изначальном смысле слова «вселенная», т. е. как дом, в который еще надо вселиться. Но не поодиночке, а всем миром.

С какой бы стороны мы ни рассматривали феномен русского космизма, его исторические корни ускользают от нас в своей целостности и прозрачности в мифологическом сознании, определяемом смесью христианства с язычеством. Конечно, нет никаких причин для того, чтобы кто-то искал истоки русского космизма в названии созвездий у русских северян или в культе Солнца (Луны) у древних славян. Русский космизм — это не история астрономии в России и не истолкование смысла народных

представлений о «падающих звездах» как о летающих ангелах, поражающих нас копьями. Уже православный писатель XVI в, Максим Грек проводил границу между «звездозрительной прелестью» (астрологией) и «небесным видением» (астрономией). Тем не менее какую бы тему русского космизма мы ни взяли, она так или иначе приводит нас к тому, что А. П. Афанасьев называл «Поэтическим воззрением славян на природу»⁶.

Но в «поэтических» воззрениях уже в начале XIX в. появляются новые и новые трещины. Они связаны с опасением за действия людей, которым кажется, «что по крайней мере на земле все для них существует»⁷. Своими действиями они разрушают онтологию ума, отличающего существование вещей самих по себе от существования вещей для другого. Без этой онтологии рождаются души тиранов. «Только в душе тирана может родиться мысль, что те, которые ему подвержены, для него существуют»⁸. Человек вообще «терпит неизреченный убыток, когда он воззрит на себя как на тирана земных творений»⁹.

Раз появившись, эта тревожная нота будет звучать и в сочинении анонимного автора под названием «Путешествие в солнце и на планету Меркурий и во все видимые и невидимые миры»¹⁰, и в работе В. Ф. Одоевского «Два дни в жизни земного шара»¹¹. В утопии Одоевского тема космизма развивается в оппозиции к тем пессимистическим настроениям, которые были вызваны работой Т. Р. Мальтуса «Опыт о законе народонаселения...»¹². Затем эта тема будет продолжена малоизвестным литератором С. Дьячковым. Его книга «Путешествие на луну в чудной машине» выйдет в 1844 г.

П. Н. Сакулин, введя в обиход понятие «Русская Икарія», не знал, что этот термин окажется удачным обозначением умонастроения целой группы русских ученых, философов и писателей. Так, во второй половине XIX в. идеи космизма привлекают внимание А. В. Сухова-Кобылина, который создает учение о трех (в том числе и космической) стадиях в развитии человечества. Над «философией общего дела» начинает работать Н. Ф. Федоров. В 1883 г. появляется «Свободное пространство» К. Э. Циолковского. В 1892 г. мыслитель и революционер Н. А. Морозов пишет небольшую работу под названием «В мировом пространстве», а чуть позже и независимо от Морозова публикует свою новую работу «На луне» К. Э. Циолковский. В XX в.

появляются новые имена. Среди них — Н. А. Умов, А. Л. Чижевский, В. И. Вернадский, Н. Г. Холодный. Космическая тема находит своеобразное отражение в фантазии А. Платонова «Потомки солнца», в стихах Н. Заболоцкого.

В 1972 г. появилась небольшая статья советского философа Н. К. Гаврюшина под названием «Из истории русского космизма». Более ранние работы, где бы употреблялось словосочетание «русский космизм», мне не известны.

«Русская Икария» превратилась в феномен русского космизма. Что же лежало в основании того умонастроения, которое обозначается сегодня как русский космизм? Если мы будем искать ответ на этот вопрос в энциклопедиях, справочниках, словарях, то ответ на него не найдем, ибо о русском космизме, по существу, ничего не написано. И поэтому не удивительно, что нам не известна та смыслообразующая среда, в которой только и могли возникнуть идеи А. Л. Чижевского или В. И. Вернадского. И даже Циолковский нам известен скорее как изобретатель ракеты, чем как философ и «реформатор» мышления людей XX в.

Предметом особого разговора является тема космизма в истории русской (скажем так: профессиональной) философии. Некоторые ее мотивы встречаются у В. В. Розанова и Н. Н. Страхова, у В. С. Соловьева и П. А. Флоренского. А это значит, что мы должны различать русский космизм как теоретическую доктрину и русский космизм как выражение настроенности ума, определяемого спонтанными актами жизни. Когда В. С. Соловьев говорит о естественности разума, то он имеет в виду не «естественный свет разума» Декарта, а скорее естественный «мрак» жизни. Ведь какие-то вещи мы знаем не потому, что думаем, а потому, что живем и формами этой жизни в наших головах воспроизводятся представления, которые нельзя отделить от бытия и проанализировать в качестве содержания рефлексивного сознания. То есть существуют знания, к которым мы приходим не в процессе размышления, не под контролем своего сознания и воли, а помимо воли, в процессе выживания и совместного существования с другими людьми. Вот это различие органического и рефлексивного сознания, превращенное профессиональными философами в метод мышления, составляет посылку русского космизма.

В связи с этим вспомним и такую статью, например, как «Природа и культура» С. Франка. Любопытны в этом отношении сочинения С. Булгакова и Н. Бердяева.

Изучение идей русского космизма только начинается. В качестве этого «почина» я предлагаю обзор некоторых интуиций русского космизма.

АНТРОПОКОСМИЗМ И ГУМАНИЗМ

Культура, породившая науку, имеет много достоинств. Одним из них, лелеемых культурой, является человеческий мир, т. е. тот мир, в точке взаимодействия с которым порождается «Я». В зависимости от этого весь мир делится на две части: на человеческий мир и нечеловеческий. Причем человеческий мир получает некоторые привилегии. Он выступает в качестве выделенного центра Вселенной.

С критикой таких представлений выступили русские космисты, попытавшиеся расширить человечески возможный мир за пределы возможностей «субтильного» «Я». Эта идея нашла отражение в принципе антропокосмизма. «...Антропокосмист считает границы, отделяющие... «Я» от ...всего космоса только препятствием на пути к дальнейшей эволюции»¹. По словам Н. А. Умова, «имеет смысл окончательное освобождение от антропо- и геоцентризма»².

От чего же избавились русские космисты? От тех представлений, которые ставят «сознание жизни выше жизни, знание законов счастья — выше счастья»³. Вот с чем надо бороться, говорит Ф. М. Достоевский.

В самом деле, мы живем в культуре, определяемой возможностями научного знания. А наука привыкла иметь дело с сущностями и законами. Ее интересует не мир, а законы мира; не то, что существует, а сущность существующего. И в этом нет ничего плохого, как и хорошего. Проблемы начинаются тогда, когда мы перестаем видеть вещи, рассматривая сущность вещей.

С тех пор как человек поставил себя на место бога, он разрушил естественные связи с природой и заключил себя на «продолжительное одиночное существование»⁴. Антропоцентризм оправдывает посылки одиночного существования. Антропокосмизм их разрушает и настаивает на «восстановлении естествен-

ной связи человека с природой»⁵. Антропоцентризм как идейный комплекс складывается на фоне разложения народного миросозерцания, или, как говорил И. В. Киреевский, естественной настроенности ума.

Естественно настроенный ум исходит из того предположения, что существует один (видимый) мир, а рядом существует другой (невидимый) мир. И оба эти мира связаны между собой по правилу чуда. Благодаря «чудесному» правилу видимые действия людей получают основания в невидимом мире. В этом «сказочном» мировосприятии «нет намеренного уклонения от действительного мира»⁶. В нем изобретался опыт, запрещающий рассматривать природу в отвлечении от человека. Осмысленными становились только те действия людей, в которые природа вовлекалась как «живое существо, сочувствующее человеку»⁷.

Антропоцентризм разрушает посылки и допущения этого миросозерцания. Ведь чудес в мире нет. В нем есть причины. А люди предоставлены самим себе. Их действиям нет поддержки в трансцендентном мире. Ангелы людей не опекают, если они сами себе дают законы⁸. Мир пуст, и если теперь уже в пустом мире что-то появляется — то из человека, через человека и для человека. Лишившись поддержки и опеки, люди не могли не почувствовать свое одиночество в мире механических сил и причинных связей. Им нужно было учиться жить в пустом космосе, подчиняясь формуле: «из себя, через себя и для себя»⁹.

Нетрудно заметить, что этой формулой выражается антропоцентризм эпохи гуманистических идеалов и устремлений. Негуманное общество переполнено сущностями, поддерживающими и опекающими человека. Для того чтобы построить гуманное общество, нужно оставить человека один на один с миром, лишить его поддержки и опеки. Когда человек один, он создает себе опору в виде своей воли и своего сознания. Тем самым возникают культура, своеволие и субъективизм, которые решительно отвергал Н. Ф. Федоров и русский космизм в целом. «Антропоцентризм, — писал Н. Г. Холодный, — в основе своей индивидуалистичен»¹⁰. В нем, по его словам, слишком много эгоизма. Отделив себя от природы, люди смотрят на нее со стороны сознания и видят в ней только лишь объект.

Иными словами, русский космизм возникает как одна из форм усвоения и понимания содержания новой исторической

ситуации, нового (гуманистического) порядка вещей, при котором человек становится подобным богу и не ищет поддержки у кого-либо, кроме самого себя. Он сознает себя в качестве средства, предназначенного для того, чтобы сориентировать поведение человека в опустевшем мире. Одним из таких ориентиров выступало «звездное мирозерцание», согласно которому человек — это не бог, а природа — не объект. Истоки человеческого бытия коренятся во Вселенной, и порывать с этими корнями нельзя. Человек парит над природой, если он существует сам по себе. Но сам по себе (без корней) человек ничто. И в этом своем ничтожестве он противостоит природе. «Мы говорим: все от нас зависит, но ведь мы сами создание Вселенной» “ . Мир один. Рядом с ним нет особого (опекающего нас) мира трансцендентных сущностей. Но мир не пуст. В пустом мире ничего человеческого не появится, а если оно и появится, то фактом самосознания его не удержишь. Нет «почвы». Границы человеческого возможного мира определяются не тождественностью «Я», а спонтанным взаимодействием человека с миром, т. е. без извлечения «Я» из этого взаимодействия.

Объективная реальность и объектные структуры природы не совпадают. Ведь человек — это тоже объективная реальность. Но это такая реальность, которая не поддается объектному способу рассмотрения, т. е. мы не можем задать ее конечным набором воспроизводимых связей и вещей. Для того чтобы описать одного человека, нам потребуется перебрать всю совокупность общественных связей и отношений, т. е. нужно будет пройти бесконечность. А это невозможно. Контролируемым образом воспроизводится конечное число связей. Бесконечность воспроизвести нельзя, как, например, нельзя воспроизвести и уникальные связи. Уникальность индивидуна и в этом смысле бесконечна, т. е. неповторимое и бесконечное совпадают. Объективные методы исследования предполагают, что бесконечность уже пройдена, и поэтому они содержат в себе призрак абсолютного знания. Иными словами, разрешение возникших проблем потребовало создания новой онтологии ума, описывающего природу. Онтологии не существуют так, как существуют звезды или нефть, т. е. без ума. Если они нужны, то они создаются. Спинному мозгу онтологии не нужны, а для разных умов существуют разные онтологии, т. е. умом постигаемое бытие.

ДУША И КОСМОС

Новый порядок вещей утверждался в России под знаком того вопроса, который эпос относит к спору царя Водяника и царицы Водяницы, подслушанному Садко. «Что на Руси деется, — спрашивали они друг друга, — булат ли дороже золота, али красно золото дороже булат-железа?»¹ Вот этим вопросом-образом питались интуиции русской философии. Этот образ делает осмысленными вопросы типа: «Что делать?», «Куда идти?», «Когда же придет настоящий день и откроются истинные пути человечества?»

«В истинном направлении мы движемся или не в истинном?» — на этот вопрос нет ответа. Вернее, на него, как утверждает русский эпос, нельзя ответить «по-царски», «теоретически». Ведь жизнь — это не потусторонний процесс, а посюсторонний. И поэтому она не течет из «явленного здесь» в «неявленное там». О содеянном в жизни мы узнаем от свидетелей, от «Садко», а не от мудрецов, разъясняющих скрытые логические сущности.

Понимание мира в русском космизме строится на основаниях, исключаящих «потусторонние сущности и невыявленные субстанции бытия». «Никто и никогда не обнаружил потустороннего мира, хотя всякого обмана была масса»². Весь мир здесь, и он явлен. Для того чтобы он был здесь, на место невыявленного бытия русским космизмом ставится «обладание небесным пространством». По этому знаку он узнается. «Отказавшись от обладания небесным пространством, — замечает Н. Ф. Федоров, — мы должны будем и отказаться... от нравственного существования человечества», от безусловной нравственности, т. е. «души»³. Смыслообразующая связь «души и космоса» описывается Федоровым в терминах идеи воскрешения. Циолковский же предпочитает в данном случае говорить о «Воле Вселенной», Холодный — о «Вселенной бесчисленных двойников». В. И. Вернадский, понимая, что в природе есть нечто такое, что не может быть сведено к энергии и материи, мучительно искал слово, которое стало бы обозначать это нечто. Для его обозначения, как писал Вернадский, «слово «сознание» не подходит»⁴. Но подходят ли, спрашивал он себя, такие слова, как «душа», «воля» и «энтелехия», т. е. осуществленная воз-

мжность бытия? Отвечая, он останавливался на «непроизвольной воле» человека, действующего в космосе натуралиста⁵.

Устраивая свои земные дела, мы не можем не обнаружить (если верить былинам) «подводное царство», к которому у нас нет логически однородного перехода. Иными словами, мы не можем какое-то содержание нашей внутренней жизни перевести во внешний план, придавая ему устойчивость формально организованной действительности. То есть сделать так, чтобы то, что живет в нас, срабатывало независимо от нас. Внешний план как бы уже заполнен сцеплением сил, имеющих иной (нечеловеческий) источник своего существования. «В мире, — с печалью говорил Циолковский, — неизмеримо больше камня, чем мысли, больше огня, чем мозговой материи»⁶. Вот этот образ «заполненности» внешнего мира, мешающий укорениться в нем содержаниям внутренней жизни, имеет решающее значение для понимания одной из особенностей развития русской мысли XIX в. и, следовательно, для понимания русского космизма. Не реализованные во внешнем мире содержания внутренней жизни не исчезают. Они остаются, накапливаются и дают о себе знать в плетении, как говорил В. В. Розанов, «чулка жизни». Для того чтобы обозначить невидимую, но всеми ощутимую тяжесть нереализованного бытия, в русской философии использовались разные слова. Самым популярным из них стала «душа»

Неосуществленное, невыговоренное вовеки бытие — это и есть душа, которую русская философия XIX в. искала и никак не могла найти. Во всяком случае, в Европе. В конце концов она нашла ее у себя дома, в России. Но не потому, что Россия страдала от избытка «мозговой материи». В ней было и внешнее и внутреннее. Но не было механизмов осуществления внутреннего во внешнем. Существует же не только то, что выполнено, но и то, что не выполнено, не сделано. Несделанное действует уже одним тем фактом, что оно просто есть. И это воздействие оставляет следы на физиономии жизни. Особенно в России, что подметил В. С. Соловьев.

В Европе внутреннее содержание сознательной жизни «выдавливалось» во внешний план бытия. И поэтому бытие у «бентамитов» В. Ф. Одоевского рационально. В нем есть сознание и воля и все, что держится самосознанием и волей. Но у них нет души, т. е. нет «осадка», невыговоренного бытия. И поэтому

мир для них «машина», а жизнь — деятельность человека, преследующего свои цели. Душе нужна избыточность, рациональность же подчиняется правилу: «что полезно — то позволено»⁸. Способ реализации человека, испытанный «бентамитами» (т. е. людьми, знающими только одно правило: полезно — бесполезно) в Северо-Американских штатах, ведет, как заметил Одоевский, к «городу без имени», без безусловной нравственности.

Существование неосуществленного, воздействие несостоявшихся состояний бытия образуют особую (мистическую, по словам А. С. Хомякова) сторону бытия, соизмеримого с человеком. В XIX в. русский космизм начинает поиски пространства, соразмерного душе человека; он ищет определение внешней величины, с которой сопряжена внутренняя жизнь людей. Для того чтобы растворить «осады» внутренней жизни человека, требуется ни много ни мало как весь космос. Только на уровне космоса исчезает различие между внутренним и внешним. Более того, «...для этого должны пройти миллиарды лет космической эры»⁹. В терминологии В. И. Вернадского это означает, что биогенный эффект ноосферы «смогут увидеть только наши отдаленные потомки: он проявится ярко и ясно только через сотни, едва ли десятки декамириад»¹⁰. Становление ноосферы — естественный процесс, а не искусственный. Его нельзя ни ускорить, ни отменить. В искусственных средах души не растут и себя не проявляют. Душа и космос — однопорядковые величины, т. е. проявление души хотя бы в одном человеке — это космическое, а не земное событие.

Пока существуют не реализованные во внешнем плане бытия внутренние содержания человеческой жизни, не существует причин для того, чтобы была безусловная нравственность. Условное добро существует, а безусловного нет. И поэтому «овладение небесным пространством» — нравственная задача человечества, а не технологическая. По словам Н. Ф. Федорова, только дело, соразмерное с космосом, может преодолеть нечеловеческое в человеке и захватить всю его душу, реализуя ее полностью и без остатка.

Реализованная душа — это органическая душа. Но не в том смысле, в котором об «органике» говорят химики или биологи, а в ином, небиеологическом смысле этого слова. То, что мир человеческих феноменов не имеет никакого отношения к

материи, на которой вырос человек, знал уже Аристотель. Об этом он рассказал в своем учении о свойствах «растительной души». Но вот в Новое время в разряд этих феноменов стало зачисляться только то, на чем стояла метка «воля». То есть человеческое — это нечто волевое, произведенное с волей. Но воля разделяет людей, а произвол убивает человеческое в человеке¹¹. Ум, добро, совесть произведены не волей, и держатся они не самосознанием. Если человек добр и знает о том, что он добр, то возникает опасность рефлексивной и волевой организации его добра. А организованное добро можно купить. Ведь всегда найдутся люди, которые за деньги готовы на все, даже на добрые дела¹². Организованная совесть оставляет лазейку для того, чтобы при помощи совести кто-то водил нас за нос. Эта опасность исчезает, если человек добр и не знает о том, что он добр. Человеческие феномены возникают вне воли и самосознания. Они сами себя делают в нас. Вернее, в нас они делают нас, но независимо от нашей воли. Есть вещи, которые мы делаем не с напряжением воли, а само собой, спонтанно и без извлечения «Я» из содержания сделанного. И надо сохранять эту спонтанность, чтобы, как говорили в XVIII в. «не ослабили все сопрягающие людей узы»¹³, т. е. чтобы люди не «съели» друг друга.

Вот эти «сопрягающие людей узы», если на них нет следа воли и произведенного волей, в русской философии называли органической душой, тем, чем все держится. К. Э. Циолковский называл их «волей Вселенной», т. е. безусловной волей. Между тем действия людей определяются их частной волей. «Условная воля есть воплощение наших мыслей и желаний в жизнь. Например, я хочу построить дом и строю, хочу изобрести какую-либо машину и изобретаю, хочу осуществить ее и осуществляю»¹⁴. Безусловная воля «порождена Вселенной»¹⁵. Частная (условная) воля зависит от многих побочных обстоятельств. Например, ей мешает обычная человеческая лень. Но вот когда мы что-то не можем не сделать, то это значит, что в нас, согласно Циолковскому, срабатывает безусловная воля. Она находит пас, и мы уже не вольны в выборе ума и глупости, добра и зла. В этот момент нас заселяют «духи давно прошедших времен» и мы слышим «голос Вселенной» То есть какие-то времена проходят, а чувства и мысли проходящих времен остаются. И если мы живем этими чувствами и мыслями, то в нас, как писал В. И.

Вернадский, «непроизвольно действует ум и воля»¹⁷. Только люди, как говорит Циолковский, ждут правды и хотят услышать голос Вселенной.

В этих словах выражается соразмерность человека со Вселенной, в них проглядывает интуиция целостного восприятия мира. Целостное восприятие мира складывается вне зависимости от полноты знания его связей и взаимодействий. Для полного описания любой вещи нам нужно уже знать бесконечность мировых связей. Но мы можем их и не знать, если знаем сущности. Русский космизм придает этой интеллектуальной процедуре иной смысл: воспринимая индивидуность, «помыслив» одно естественно-историческое тело, мы тем самым «помыслим» и всю бесконечность мировых связей, т. е. нечто конечное становится условием описания бесконечности. Не зная всех этих связей объектно, мы знаем их целостно. Не в терминах сущности, а в терминах индивидуности явленного мира.

КОЧУЮЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Когда мы слышим имя Циолковского (или Федорова), в наших головах непроизвольно складывается представление о «кочующем» человечестве. С Земли оно переселяется на Марс, с Марса — на астероид, с астероида — еще куда-нибудь. И так без конца, пока в какой-то момент оно не превратится в лучистую энергию. Где бы человечество ни задержалось, всюду оно создает диковинную флору и замысловатую фауну. Одним словом, люди, как кочевники, как цыганский табор, для перемещения которого в космосе Циолковский изобрел ракету. Но для этого ли Циолковский изобретал ракету?

«Многие думают, — говорил К. Э. Циолковский, — что я хлопочу о ракете и беспокоюсь о ее судьбе из-за самой ракеты. Это было бы глубочайшей ошибкой. Ракеты для меня только способ, только метод проникновения в глубину космоса, но не самоцель. Не доросшие до такого понимания вещей люди говорят о том, чего не существует, что делает меня каким-то однобоким техником, а не мыслителем...»¹

Не будем мастерить из Циолковского однобокого техника и задумаемся вот над каким фактом. По свидетельству А. П. Щапова, в XVIII в. мистико-апокалипсическое ожидание конца мира доходило до того, что «живые люди ложились в гробы и со

дня на день ожидали кончины мира»². Конечно же, предлагать им ракеты для того, чтобы они перенеслись в более спокойное место космоса, было бы верхом безумия. Это предложение находилось бы за порогом их сознательной жизни. Оно разрушало бы мир, в котором люди жили и в котором Филофей мог сказать, что конец мира не от звезд придет, а от бога. И поэтому не на звезды (или ракеты) нужно уповать, а на силы высшего порядка³.

В русском космизме интуитивно ощущается новая, ранее не виданная опасность для человека. «Мир идет к концу, — писал Н. Ф. Федоров, — а человек своей деятельностью даже способствует приближению конца, ибо цивилизация эксплуатирующая, но не восстанавливающая не может иметь иного результата, кроме ускорения конца»⁴. «Выхождение цивилизованного человека в биосферу, — отмечает В. И. Вернадский, — коренным образом ее меняет. Действенная природа исчезает все с большей быстротой, и человек все ярче выступает как решающий геологический фактор в истории планеты»⁵. В русском космизме тем самым появляется новый поворот в разработке космической темы, который почти столетие спустя получил название «глобально-экологического». Ради чего, на какую потребу истощаются многовековые запасы Земли, если торжество над природой оказалось пирровой победой? Ради забав. И, забавляясь, люди, по мысли Федорова, приближают свой конец. И остановить их некому. Но если нет сил высшего порядка и уповать людям не на что, то что же им делать? На волне этих вопросов в русском космизме появляются идеи «полетов на Луну» и эсхатологических знамений. Они появляются вне зависимости от традиций, связанных с мифами о Беллерофонте и Икаре»⁶. Если Лукиан отправлял своих героев на Луну, то для того, чтобы они оттуда получше рассмотрели пороки земной жизни. «Взглянув на Землю, — говорит герой Лукиана, — я увидел, ...что Птолемей живет с сестрой; Лизимаху строит козни сын; Антигон, сын Селевков, тайно делает знаки мачехе Стратоник...»⁷ Встреченные им боги проявляют беспокойство по двум вопросам: во-первых, «почем теперь пшеница продается в Элладде?» и, во-вторых, «сильно ли людей донимала прошлогодняя зима и нужно ли для овощей больше дождя» (тот же прием, что и Лукиан, использовали Франциско Годвип и Сирано де Берже-

рак). Нечто подобное сочинил и автор «Путешествия в Солнце и на планету Меркурий и во все видимые и невидимые миры». Герой последнего сочинения восклицал: «От глупостей, страстей многого шара лечу — в прелестный вечный мир»⁸.

И Циолковский, и Федоров прекрасно понимают, что глупость есть глупость и от нее не улететь. В идее заселения Вселенной лежит другая посылка. Конец мира не от звезд придет, а от человека. И поэтому уповать надо не на бога, а на ум человека и его нравственность.

Беседуя с А. Л. Чижевским, К. Э. Циолковский говорил: «Представьте себе, что мы бы вдруг научились вещество полностью превращать в энергию, то есть воплотили бы преждевременно формулу Эйнштейна в действительность. Ну тогда — при человеческой морали — пиши пропало, не сносить людям головы. Земля превратилась бы в ад крошечный: уж люди бы показали свою голубиную умонастроенность — камня на камне бы не осталось, не то что людей. Человечество было бы уничтожено! Помните, мы как-то говорили с вамп о конце света. Он близок, если не восторжествует ум! ...Прогресс невозможен без риска. Но тут человечество воистину рискует всем»⁹. А для того чтобы это было понятно всем, Н. Ф. Федоров советует раз и навсегда оставить надежду на помощь со стороны трансцендентных существ. В земные дела вовлекать эти сущности нельзя.

«Конец света», о котором говорит К. Э. Циолковский, имеет иной смысл по сравнению с тем, что ожидали люди еще в XVIII в. Наука, по словам Н. Г. Холодного, с одной стороны, развенчала человека, а с другой — дала ему силу для переделки природы¹⁰. Человеческий мир слишком хрупок, чтобы выдерживать давление не только научно организованных технологий, но и простых следствий физических взаимодействий. Достаточно Земле столкнуться с каким-либо небесным телом, чтобы человечество прекратило свое существование. Этот сюжет описан В. Ф. Одоевским¹¹, и затем к нему неоднократно возвращались. Речь идет, например, о «Борьбе миров» Н. Г. Холодного¹² и книге А. Берже «Последние дни Земли»¹³.

И в той и в другой рассказывается о гибели Земли и человечества. Согласно Берже, нам осталось жить 6 млн. лет. Холодный сокращает нашу жизнь до минимума. Сюжет его книги до-

вольно прост. Кто-то из сотрудников Пулковской обсерватории провел исследование и установил, что через месяц-другой Земля столкнется с неизвестной кометой и погибнет.

В том, что когда-нибудь лимит времени, отпущенный человечеству, будет исчерпан, мало кто сомневается. Эту «расхожую» мысль XIX в. разделял даже мыслитель такого ранга, как Ф. Энгельс.

Что же люди будут делать тогда, когда к ним придет время «собирать камни»? На этот вопрос существует по крайней мере два ответа. Согласно одному из них — бери от жизни все, что ты еще не успел у нее взять. Согласно другому — рискни остаться человеком.

В самом деле, каждый из нас знает, что он умрет и что человечество не вечно. Правда, мы не знаем, когда это с каждым из нас случится. И на этом незнании строится наша мораль. То есть какая мораль? Мораль конечного человека. Эта мораль не обязательно плоха. Она может быть разной. Но по существу своему она является моралью смертного человека. На нашем отношении друг к другу, на нашем отношении к природе лежит печать неминуемой гибели человечества.

Вот эту-то мораль и ставит под сомнение русский космизм. Его базисная интуиция проста. Во-первых, нет таких законов природы, которые бы делали гибель человечества неизбежной. Таких законов никто не открывал. Во-вторых, все мы физически смертны, но этот физический факт не детерминирует способ существования морального человека. То есть мы можем жить так, как если бы были бессмертны. Какие же мы тогда, когда мы бессмертны? Какая у нас мораль? Эта мораль строится под знаком вечности, а не конечности человеческого состояния. Разгадка этой загадки содержится в словах Н. Ф. Федорова, который говорил, что человек — это существо вертикальное, а не горизонтальное. Люди тянутся к богу, а не к случайностям естественного отбора на земле. Но это для него — «вертикальное», а например, для Т. Мальтуса — «горизонтальное», т. е. стремление человека стать богом им в расчет не принимается. Имя английского мыслителя известно всем, хотя он и умер в 1834 г. Теоретические противники Мальтуса хоронили его неоднократно. Но человек, которого хоронят не один раз, не может быть полностью мертвым. Мальтуса прославила книга «Опыт о за-

коне народонаселения...» В ней Мальтус заверял нас в том, что как честный человек он стремится к обществу справедливому и гуманному. Но как объективный ученый он выступает против такого общества. Почему? Потому что (с научной точки зрения) люди — «крысы». Л если это так, то не нужно создавать для них «амбар», в котором они бы размножались. Ведь очень скоро им нечего будет есть и весь их род вымрет.

Страсть, обуявшая «некоторую часть интеллигенции, походить как можно более на животных, уничтожать всякое различие между последними и человеком, — писал Н. Ф. Федоров, — мешает трезвому воззрению на начало человеческого общества»¹⁵. «Высший дух, — по словам К. Э. Циолковского, — не поселится в какой-нибудь мухе и не сделает ее Ньютоном»¹⁶. В русском космизме повторяющимся мотивом звучит мысль о том, что люди не крысы, а их дом не амбар и даже не земля. Им не грозит голодная смерть, если они сделают обитаемым космос. Казалось бы, что изменится от того, обитаем ли космос или необитаем, прописаны мы в нем или не прописаны? Мы ведь все-таки люди, а не боги. Однако если мы сугубо земные существа, то тогда наша жизнь основана на случайности свойств той материи, из которой мы «сделаны». Например, на случайности свойств углеродистых соединений. А это означает: сегодня в нас есть это свойство, а завтра вмешается случай и его может не быть. Из того факта, что сегодня что-то есть, никак не следует, что оно должно быть и в последующие дни.

В космосе царит не случай, а необходимость. Для вечности нет случайности, ибо не она пребывает во времени, а время пребывает в ней. Вневременный космос — условие существования всякого времени. Теперь, когда человек уже есть, нельзя сделать так, чтобы его не было, и мир вернулся в исходное состояние.

Пожалуй, нет никого в мировой литературе, кто выразил бы эту мысль так же ясно, как К. Э. Циолковский, и так же последовательно, как В. И. Вернадский. В данном случае я имею в виду принцип дуальности жизненных явлений В. И. Вернадского.

Итак, наш дом — космос, и смотреть на него нужно не так, как смотрит зритель на то, что происходит на сцене. В сценические действия зритель не вовлечен. Он смотрит на них со

стороны. Человек же не сторонний наблюдатель жизни космоса. Он ее часть. Сохраняя этот оттенок мысли К. Э. Циолковского (как и его ученика Л. Л. Чижевского), мы попадаем в русло идей, блокирующих беззаботное отношение человека к природе.

Ведь обычно мы думаем как? Человек — это человек, а природа — это природа. И вместе им, как заметил поэт, не сойтись. Мы — здесь, а она — там, т. е. между нами существует какая-то дистанция. Конечно, и до русского космизма были люди,, которые понимали, что человек — часть природы и нет между ними никакой дистанции. Например, это понимал немецкий естествоиспытатель А. Гумбольдт, написавший книгу под названием «Космос». Все это так. Но для А. Гумбольдта, как и другого немецкого ученого К. Риттера, человек уже часть природы, а для В. И. Вернадского он еще должен стать ее частью. Итак, «уже» или «еще»? Если «Я» часть чего-то, то мне не нужно стремиться стать этой частью. Нет у меня такой заботы. Я уже часть. Но беззаботное отношение к природе как раз и привело человечество к проблемам экологии, к разладу в отношениях с природой. Эту мысль необходимо пометить не для того, чтобы осудить человечество, а для того, чтобы напомнить о его свободной воле и о понимании этой свободы в русском космизме.

У человека нет определенного места в природе. Он свободен. И поэтому ему нужно всякий раз заново определять себя в качестве части природы. «Свободно, т. е. всякий раз заново» — таким аккордом звучит эта мысль в русском космизме. А это значит, что главное в мире еще не случилось. Оно не за нами, а впереди, и поэтому все еще возможно. То есть люди жили и будут жить не под знаком фатального исхода, а в момент, когда они еще только определяют себя в качестве части мирового целого. Все, что произойдет потом, после определения, произойдет не без нашего участия. А за то, что случится с нашим участием, мы не можем не отвечать.

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ РАЗУМНЫХ МИРОВ И ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ

В объяснении образа мира сегодня доминируют две посылки и, естественно, две культуры мышления. Од-

на из них определяет возможности дела и знания, другая — возможности понимания.

Что же мы можем знать? У ответа на этот вопрос есть одно допущение. Мы можем знать все то, что само себя не знает. На этой ниточке держится объектное знание о мире. Но ею же удерживается и представление о том, что мы живем в безжизненном мире. Наше объектное знание не оставляет места в мире не только воображаемым разумным существам, но и нам самим. Существование человека в мире, задаваемом наукой, становится шатким и неопределенным. Объяснить его можно лишь только чудом. Ведь люди знают о том, что они знают, но самосознание не вписывается в объектную структуру мира.

«Есть вопросы, — говорил К. Э. Циолковский, — на которые мы можем дать ответ... Есть вопросы, о которых мы можем говорить... Но есть вопросы, которые мы не можем задавать ни другому, ни даже самому себе, но непременно задаем себе в минуты наибольшего понимания мира. Эти вопросы: зачем все это»¹. Следовательно, существует такая сторона в устройстве мира, которую мы не исследуем, а понимаем. Что мы можем понимать? То, что себя уже понимает. Когда мы понимаем, мы не устанавливаем возможность истины. Мы спрашиваем: зачем или какой смысл? «Если человек есть центр Вселенной, то для него естественно ставить превыше всего свои личные интересы, не смущаясь даже множественностью таких «центров»². А если человек не центр Вселенной?

Русский космизм, вводя представление о множественности разумных миров, менее всего обеспокоен поисками логической истинности этого представления. Оно служит для него напоминанием о том, что человек не центр Вселенной, что стремлением человека к сверхчеловеческому создается все же не богочеловек, а человек³. «Какой бы смысл имела Вселенная, если бы не была заполнена органическим, разумным, чувствующим миром? Зачем были бы бесконечные пылающие солнца? К чему их энергия? Зачем она пропадает даром? Неужели звезды сияют для украшения неба, для услаждения человека, как думали в средние века, времена инквизиции и религиозного безумия?.. Мы склонны думать также, что наиболее высокое развитие жизни принадлежит Земле. Но животные ее и человек

сравнительно недавно зародились и пребывают сейчас в периоде развития»⁴.

Конструируя множественность разумных миров, русский космизм создает не учение о мире, а некоторую структуру, порождающую в людях человечески осмысленный взгляд на мир. Если мы еще что-то понимаем и иногда задаем себе вопрос о смысле содеянного, то это значит, что «мы не просто сеченовские рефлексy и павловские слюни, а нечто другое, иное, совсем не похожее ни на рефлексy, ни на слюни...»⁵. Лишенные понимания, мы не смогли бы воспроизвести себя в качестве свободно действующей части того мира, в котором само это понимание является условием существования понимающего.

Если славянские книжники, следуя Григорию Богослову, усматривали в космосе подобие человека, то потому, что в соразмерности устройства микрокосма и макрокосма они видели условие сознательной жизни человека. «...Человек есть второй мир мал: есть бо небо и земля, и я же на небеси и я же на земли, видимая и невидимая: от пупа до главы яко небо, и паки от пупа дальняя его часть яко земля»⁶.

Иными словами, есть какой-то предел сознательной жизни, за которым рассыпается космический порядок и начинается хаос. В мире, в котором теряется себестождественность вещей, нельзя построить осмысленное действие.

Эта сторона дела обнаруживает посылки антропоцентризма человеческой культуры, разворачивающей себя через расширение знания и сужение возможностей понимания. Люди перестают понимать самих себя, замещая это непонимание рефлексивными системами знания. «Будущее знание, — говорил К. Э. Циолковский, — не станет пренебрегать, как пренебрегаем мы — еще зlostные невежды — данными религии, творениями философов, писателей и ученых древности. Даже вера в Перуна и та пригодится. И она будет нужна для создания истинной картины мира»⁷.

Одна из идейных инициатив русского космизма, начиная с рассуждений писателя XVIII в. Ф. И. Дмитриева-Мамонова о множественности миров и заканчивая рассуждением В. И. Вернадского о космосе натуралиста, связана с возвращением понимания как космологической проблемы. В этом же направлении

(правда, с массой побочных пассажей) выполнена работа русского философа В. В. Розанова «О понимании»⁸.

После того как «Книга мировоззрения о небесноземных глобусах и их украшениях», т. е. «Космотеорос» голландского ученого Х. Гюйгенса и «Беседы о множественности миров» французского писателя Б. Фонтенеля, стали известны в России, возникла необходимость в пересмотре воззрений, отделяющих человека от природы и ставящих знание на место понимания в объяснении космического порядка.

В 1769 г. почитатель системы Коперника Ф. И. Дмитриев-Мамонов сочинил аллгорию, которой он хотел выяснить, «к чему разум человека возноситься может»⁹. Принимая посылку о множественности разумных миров, он стремится понять природу этой множественности. Допустим, рассуждает Дмитриев-Мамонов, на Марсе живут разумные лебеди. Хорошо, но как об этом узнают на Земле, если ее обитатели суть неразумные муравьи? Ведь, следуя принципам построения знания, мы не сможем отличить разумного лебеда от неразумного муравья. Муравей, развиваясь, лебедем не станет. Сколько бы он ни наращивал свой разум, крылья от этого у него не вырастут.

Понимание — это не продукт работы рефлексивного сознания. Понимание всегда уже понимание, т. е. событие, внутри которого и благодаря которому разворачивается рефлексивное знание. В состав определившегося бытия входит некоторый минимум понимания. И в этом смысле оно держится не фактом самосознания, а определившимся бытием; мир как целое — это определившийся мир, и поэтому он не предмет знания, а результат понимания.

Населяя космос живыми и сознательными существами, русский космизм проблематизирует возможности естественно-научного мышления. Оно начинает строиться под знаком вопроса: а не имеем ли мы дело с какими-то проявлениями сознания и жизни, отличными от того, что нам известно из опыта. И если это паче чаяния так, а не иначе, то как эти проявления исследовать, ведь простым перебором причин и следствий мы к ним прийти не можем. «Нам, может быть, скажут: если мы ищем причину космоса, то ведь у этой Причины новая причина. Так мы никогда не кончим»¹⁰. Почему? Потому, что причинные связи располагаются в бесконечной последовательности. Конечны-

ми шагами пройти бесконечность нельзя. Нужно где-то остановиться, но точка, в которой мы можем остановиться, не маркирована, не выделена. Следовательно, чтобы прийти к первой причине, к ней нужно идти другим путем, не «назад», а вперед, т. е. к тому, что самим собой начинает новый ряд явлений. «Мы делаем, — замечает К. Э. Циолковский, — шаг вперед, ища первую причину Вселенной»¹¹. Эта причина — разум. «Космос управляется разумом (своим собственным)»¹². Разумом космоса и его первой причиной К. Э. Циолковский называет все то, что не раскладывается в бесконечную последовательность причин и действий, а доопределяет природу.

ОТ ИСКУССТВЕННОГО ПОРЯДКА К ЕСТЕСТВЕННОМУ ХОДУ ВЕЩЕЙ

Люди никогда не смогут обладать всей полнотой знаний о мире, и именно поэтому они вынуждены создавать целостное знание, т. е. нечто такое, что не раскладывается в возможной последовательности сменяющих друг друга поколений. Оно воспроизводится всякий раз актуальным объединением людей. Требование целостного знания о мире дополняется в русском космизме идеей о целостности всех слоев бытия.

Следуя основаниям новоевропейской науки, т. е. отделяя человека от природы, мы создаем онтологию наблюдения «пустого» космоса. В этой онтологии нет места для того, кто наблюдает. Но, отделяя человека от природы, нужно, к сожалению, признать и то, что природа как бы заранее устроена по нашим человеческим меркам ее понимания, и то, что мы на нее можем воздействовать только с внешней стороны. Правда, что из себя представляет эта сторона, никто из теоретиков науки так и не объяснил.

Природа, по словам К. Э. Циолковского, не создавалась с расчетом на то, что она будет исследоваться и пониматься существом, неведь откуда взявшимся. Если мысль — действие, то в качестве мыслящего человек воздействует на природу «не извне, а изнутри»¹. Наша мысль существует как реальное событие мира, а не только в качестве содержания сознания, картины мира.

Свою неудовлетворенность тем направлением, по которому, начиная с Ньютона, развивалось научное познание, выража-

ет и В. И. Вернадский. По его словам, на этом пути обозначился труднопреодолимый разрыв между «косной» и живой материей. Развивая идею о «всюдности» жизни, Вернадский делает заявление, шокирующее правоверных ученых. «Научное мировоззрение, — говорит он, — не дает нам картины мира в действительном его состоянии»². Почему? Потому, что правоверный ученый «противопоставляет себя... миру»³.

Согласно установившейся интеллектуальной традиции мы понимаем природу как нечто пространственное и материальное, а мысль как нечто непространственное и нематериальное. Нарушая эту традицию, Вернадский ищет в сознании «черты, только природным явлениям свойственные»⁴. Не решая вопроса о тождественности или о различии духовных проявлений человеческой жизни и явлений природы, он обращает внимание на следующую деталь. Относительно явлений природы мы формулируем некоторые физические законы. Но ведь духовная работа человечества существует по этим же законам природы. Существует одна природа, а не две. Взаимодействием вещей в ней воспроизводятся условия «понимающего чтения» этих взаимодействий, т. е. сознательной жизни людей. Если бы такая возможность исключалась законами природы, то такую природу мы не могли бы понимать и исследовать. Физические события и мыслимость этих событий имеют одни и те же основания. Успехи науки связаны с умением располагать наблюдаемые явления в конечной последовательности причин и следствий. Этим умением создается картина «опустевшей» Вселенной. Для космоса же, с точки зрения натуралиста, «характерна не только последовательность, но и... одновременность»⁵. А одновременность это и есть та сторона природы, которая не раскрывается в последовательности причин и следствий. Для того чтобы это было понятно, Вернадский говорил о «всюдности жизни». Ведь жизнь не помещается в предмете науки, ускользая от нее в феномене одновременности. «Эти представления о природе не менее научны, — подчеркивал В. И. Вернадский, — чем создания космогоний или теоретической физики и химии, и ближе для многих, хотя они так же неполны, как и геометрические схемы упрощенной мысли физиков, но они менее проникнуты призрачными созданиями человеческого ума и дают нам другие стороны космоса, оставленными последними вне своих аб-

страктных построений»⁶. Если в русском космизме звучит тема «живого космоса», «всюдности жизни», то вовсе не потому, что кто-то видел амёбу, переползающую из одной галактики в другую, а потому, что в нем возрождается целостное восприятие мира.

Целостное восприятие мира складывается вне зависимости от полноты знания его объективных связей и взаимодействий. Для полного описания конечной вещи нужно использовать бесконечное число мировых связей. Не зная их объективно, мы можем знать их целостно.

Русский космизм, пожалуй, впервые стал обосновывать идею объединения людей, обращаясь за аргументами не к социально-политическим или идеологическим теориям, а к идеям экологического порядка. По отношению к природе люди выступают как единое целое вне зависимости от социально-экономических и идеологических расхождений. И поэтому они обязаны знать, что они могут или не могут сделать в качестве частей этого целого. «Лишь благодаря условностям цивилизации, — писал Вернадский, — неразрывная и кровная связь всего человечества с остальным живым миром забывается, и человек пытается рассматривать отдельно от живого мира бытие цивилизованного человечества. Но все эти попытки искусственны и неизбежно разлетаются, когда мы подходим к изучению человечества в общей связи его со всей природой»⁷.

В XX в. люди как-то особенно болезненно реагируют на характер тех отношений, которые сложились между ними и природой. Для обозначения этих отношений изобретаются такие понятия, как «экология человека», «социальная экология», «экология города» и т. д. Все они обозначают и выражают, в сущности, один и тот же факт. Оказалось, что люди давно уже живут в мире искусственного, и у этой жизни есть свои посылки и следствия. Перед ликом искусственного человек начинает понимать, что ведь должен быть я естественный свет разума, естественный человек.

В русском космизме проблеме связей естественного и искусственного в деятельности человека придается фундаментальный характер. Почему? Потому, что людям свойственно забывать, что они разместились в мире, в котором то, что строится, должно иметь почтение к тому, что выросло (А. С. Хомяков).

Для того чтобы что-то выросло (а это категория естественного плана), требуется мир, заполненный причинами. В этом мире нет ничего такого, чтобы не складывалось самодействием законов. Но люди не живут самодействием законов. Они сами действуют. И рядом с ними появляются вещи, для которых нет причин. Вещи есть, а причин для того, чтобы они были, нет. Например, нет причин для того, чтобы были самолеты. Вернее, есть много причин для того, чтобы они не летали, а падали. Тем не менее они летают. Но как? Искусственно. Т. е. своим действием люди создают искусственный мир. И в этом мире возможно существование вещей, для которых нет причин.

Поняв суть естественного и искусственного, спросим себя: а в каком мире живут люди?

В начале XX в. Н. А. Умов (физик, составивший первый глобальный прогноз) сделал для себя одно маленькое открытие. В 1905 г. в России прогремела революция. Умов невольно наблюдал за ней. И из этих наблюдений он извлек неожиданный опыт. Оказывается, революция убедила его в том, что люди еще не научились жить в искусственном мире.

Второй вывод, который сделал Н. А. Умов, формулируется им так: на Земле людям скоро нечего будет делать, и поэтому они маршируют прямо в космос⁸. Н. А. Умов, равно как и Н. Ф. Федоров, на первый план выдвигает тот смысл естественного, которому мы следуем тогда, когда советуем кому-либо оставаться самим собой и действовать согласно своей сущности. «Для нашего городского быта — в высшей степени искусственного, которым все тяготеет, — естественное дело человека, всеобщее воскрешение, должно казаться неестественным... Но это не значит, что оно, дело воскрешения, и в самом деле неестественно, это значит лишь, что мы стали уже слишком искусственными, исказив себя, свою природу»⁹.

Для того чтобы появилось искусственное, необходимо, чтобы что-то перестало быть самим собой, чтобы появилось действие, в котором нет согласования с природой действующего. С этим оттенком понимания искусственного складывается и представление о цивилизации, развиваемое в русском космизме.

Цивилизация — это не совокупности предметов, созданных людьми, а способ, которым приостанавливается естественное действие вещей. Радикальный поворот в осмыслении про-

блем цивилизации (проделанный, например, В. И. Вернадским) состоит в том, что в качестве ее принципа предлагается не искусственное, а естественное. Ведь искусственное — это не только способ существования деятельности человека, но и тот канал связи с миром, через который в нас проникают естественные связи этого мира. Русский космизм напоминает нам о том, что двери, ведущие из искусственного мира в естественный, не заперты. И в эти незапертые двери всегда может войти то, что они называли Вселенной. Люди задумают что-нибудь исполнить, но «всегда, — как писал К. Э. Циолковский, — может вмешаться громада Вселенной, исказить, нарушить и не исполнить волю одного разума»¹⁰. Готовы ли мы принять этого гостя или нет — вот вопрос, на который пытался найти ответ русский космизм.

Итак, «русский космизм» — это отчаянная попытка обойти проблему гносеологической разъединенности субъекта и объекта и взглянуть на сущее со стороны их изначального онтологического тождества. Сегодня весь мир как бы раскололся на два материка: природу порождающую и природу произведенную. Ближайшим следствием этого раскола стала Машина. Появление Машины означает крах традиционного гуманизма, распад идеалов Просвещения, потому что сознание человека ориентируется отныне на усвоение логики внешнего порядка вещей. Люди утратили контакт с внутренним миром. Они перестали прислушиваться к его языку и разучились понимать его логику. И это непонимание, в свою очередь, захлопнулось ловушкой экологии. Об этой ловушке и предупреждал нас русский космизм.

У Розанова есть одно любопытное высказывание, которое никак не вяжется с милым образом православного человека, каким, без сомнения, был В. Розанов. Для православного человека бог — это все. И Розанов с этим соглашается. Да-да, говорит он, конечно, бог — это хорошо, куда же без бога. Но знаете, а свечка мне все же милее бога. Почему? Да по одной простой причине: бог-то он где? Он где-то там, а свечка — она здесь, рядом. Ты подойди к ней, зажги — и она оживет. «Мир со свечкой» возник в воображении Розанова, и в этом мире у человека еще была надежда что-то оживить в себе. В умонастроении Розанова произвольно выражена характерная особенность русского космизма.

Ну а если эту «свечку» взяли и отняли? Или она по правилу чуда сама исчезла, тогда что? Ведь ее не заменить настольной лампой или прожектором на вышке. Какие же мы в этом технологически (и идеологически) организованном мире? Является ли рождение в нем человека рождением Вселенной, как это мечталось С. Булгакову? Или же нам последовать совету Н. Бердяева и мужественно перейти к овладению Машинной? Ведь мы пусты и как бы нам ни хотелось, мы принуждены прошагать по пустыне опустошения, чтобы пережитым узнать о том, что жизнь, как заметил П. Флоренский, это космическая категория, а космос требует к себе нравственного (или, как сейчас принято говорить, экологического) отношения.

Технологический разум не любит сложностей. Для него чем проще, тем лучше. Этой формулой выражается дух нашего времени — времени упрощений. Не укладываемое в схему упрощающего сознания вызывает у нас презрение и именуется заумью, тем, что лежит за пределами нашего ума. Запредельное же нас не вдохновляет. Но чем идеологически совершеннее становится мир, тем чаще в нем встречаются предметы, для которых у нас нет языка. А это значит, что для запредельного нет имени. Но если нет имени, то нет и того, во имя чего мы можем что-либо сделать. Почему? Потому что нет веры и нет того, что живет только нашей верой.

В этой безъязыкой ситуации нужно жить просто. Для этого нужно всего лишь предположить, что история знает, куда она идет, чтобы идти с ней в ногу. Например, все **знают**, что есть экологически чистое производство и экологически грязное. Но почему существует экологически грязное производство? Потому что существует капитализм. Мы еще не подумали, а уже знаем: для того чтобы производство стало чистым, необходимо, чтобы оно перестало быть грязным, т. е. капиталистическим. Эта упрощающая схема думает в нас вместо нас. Она заступает место утерянной истины, а вместе с пей теряется и понимание того, что в русской философии называлось софийностью мира.

До софийности нам теперь нет никакого дела. Да и кто может соединить несоединимое и прислушаться к космосу невыговоренного, если в мире существует 160 государств и еще больше идеологий. Для того чтобы в нем появилась одна воля, нужно, чтобы вместо 160 голов была одна голова и одна идеоло-

гия. Но одна голова — это чистая субъективность, т. е. своеволие. Иными словами, организм, у которого много голов, порождает безволие; организм, у которого одна голова, порождает своеволие. Метание между безволием и своеволием в опустошенном мире составляет содержание наших решений экологических проблем.

Мятущийся человек утратил почву под ногами. Он оторвался от земли, и структура какого-то нового пути ведет его в космос. Так может быть выражена основная интуиция русского космизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Страхов Н. Рассматриватель жизни и нравов. — Спб., 1811. — Ч. 2. — С. 11.

² Там же. — С. 12.

³ Там же.

⁴ Дьячков С. Деньги. — М., 1841. — С. 24.

⁵ См.: Буслаев Ф. И. Русский богатырский эпос. — Воронеж. 1987. — С. 46.

⁶ Чижевский А. Л. Теория космических эр. // Циолковский К. Э. Грезы о земле и небе. — Тула, 1986. — С. 421.

Три течения

¹ Холодный Н. Г. Избранные труды. — Киев, 1982. — С. 180.

Имена и история

¹ См.: Сакулин П. Н. Русская Икария//Современник. — 1912. - № 12.

² См.: Одоевский В. Ф. ...4338-й год. Петербургские письма. — М., 1926.

³ См.: Кабе Э. Путешествие в Икарию. — М., 1948.

⁴ Левшин В. А. Новейшее путешествие//Взгляд сквозь годы. — М., 1977. — С. 72.

⁵ Урания. — Калуга, 1804. — Ч. 1. — С. 10.

⁶ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. — М., 1863. — Ч. 1.

⁷ Урания. — Калуга, 1804. — Ч. 3. — С. 20.

⁸ Там же. — С. 21.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: Путешествие в солнце и на планету Меркурий и во все видимые и невидимые миры. — М., 1832.

¹¹ См.: Одоевский В. Ф. Два дни в жизни земного шара. — Взгляд сквозь годы. — М., 1977.

¹² См.: Мальтус Т. Р. Опыт о законе народонаселения... — Спб., 1868. — Т. 1.

Антропокосмизм и гуманизм

¹ Холодный Н. Г. Избранные труды. — С. 187.

² Умов Н. А. Собр. соч. — М., 1916. — Т. 3. — С. 447.

³ Достоевский Ф. М. Сон смешного человека//Русская литературная утопия. — М., 1986. — С. 153.

⁴ Холодный Н. Г. Избранные труды. — С. 180.

⁵ Там же. — С. 177.

⁶ Афанасьев А. Н. Сказка и миф. — Воронеж, 1864. — С. 2.

⁷ Шапов А. П. Соч. — Спб., 1906. — С. 91.

⁸ См.: там же. — С. 77.

⁹ Взгляд на смысл и достоинство господствующего направления в новой культурной истории человечества. — М., 1898. — С. 12.

¹⁰ Холодный Н. Г. Избранные труды. — С. 182.

¹¹ Циолковский К. Э. Грезы о земле и небе. — С. 308.

Душа и космос

¹ Буслаев Ф. И. Русский богатырский эпос. — С. 28.

² Чижевский А. Л. Теория космических эр//Циолковский К. Э. Грезы о земле и небе. — С. 424.

³ Федоров Н. Ф. Соч. — М., 1982. — С. 361. ‘

⁴ Вернадский В. И. Архив АН СССР. — Ф. 518. — Оп. 1.— Д. 162. — Л. 3.

⁵ См.: там же.

⁶ Чижевский А. Л. Теория космических эр. — С. 419.

⁷ Данилевский В. Я. Душа и природа. — Харьков, 1897.

⁸ Одоевский В. Ф. Город без имени//Взгляд сквозь годы. — М., 1977. — С. 226.

⁹ Чижевский А. Л. Теория космических эр, — С. 420.

¹⁰ Вернадский В. И. Размышления натуралиста. — М., 1977. - Кн. 2. - С. 42.

¹¹ См.: Данилевский Н. Я. Происхождение нашего нигилизма // Русь. — 1884. — № 22—23.

¹² См.: Взгляд на начало и развитие превратных понятий о свободе. — М., 1872.

¹³ Лопухин И. В. Злоупотребление разума некоторыми новыми писателями и опровержение их вредных правил. — М., 1787. — С. 6.

¹⁴ Циолковский К. Э. Воля Вселенной//Грезы о земле и небе. — С. 307.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. — С. 319.

¹⁷ Вернадский В. М. Архив АН СССР. — Ф. 518. — Оп. 1. — Д. 162. — Л. 3.

Кочующее человечество

¹ Чижевский А. Л. Теория космических эр. — С. 420

² Шапов А. П. Соч. — Спб., 1906. — Т. 1. — С. 115.

³ См.: там же. — С. 119.

⁴ Федоров Н. Ф. Указ. соч. — С. 301.

⁵ Вернадский В. И. Архив АН СССР. — Ф. 518. — Оп. 1. — Д. 220. — Л. 3—4.

⁶ См.: Гаврюшин Н. К. Космические полеты — логика развития художественной и научной идеи от античности до XX в. // Из истории авиации и космонавтики. — М., 1972. — № 16.

⁷ Лукиан. Икароменип, или заоблачный. — М., 1874. — С. 11-12.

⁸ Путешествие в Солнце и на планету Меркурий и во все видимые и невидимые миры. — М., 1832. — С. 33.

⁹ Чижевский А. Л. Теория космических эр. — С. 421.

¹⁰ Холодный Н. Г. Избранные труды. — С. 140.

¹¹ См.: Одоевский В. Ф. Два дни в жизни земного шара.

¹² См.: Холодный Н. Г. Борьба миров. — М., 1900.

¹³ См.: Берже А. Последние дни земли. — Новгород, 1914.

¹⁴ См.: Мальтус Т. Р. Опыт о законе народонаселения.

¹⁵ Федоров Н. Ф. Философия общего дела. — Т. 1. — Верный, 1906. — С. 310.

¹⁶ Циолковский К. Э. Воля Вселенной. — С. 319.

Множественность разумных миров и проблема понимания

¹ Чижевский А. Л. Теория космических эр. — С. 419.

² Холодный Н. Г. Избранные труды. — С. 176.

³ См.: Взгляд на смысл и достоинство господствующего направления в новой культурной истории человечества. — М., 1898.

⁴ Циолковский К. Э. Грезы о земле и небе. — С. 378.

⁵ Чижевский А. Л. Теория космических эр. — С. 419.

⁶ Шапов А. П. Соч. — Т. 1. — С. 102.

- ⁷ Чижевский А. Л. Теория космических эр. — С. 425.
⁸ Розанов В. В. О понимании. — М., 1868.
⁹ Дмитриев-Мамонов Ф. И. Дворянин-философ//Б. Фонтенель. Любовь Псиши и Купидона. — М., 1769. — Ч. 1. — С. 3.
¹⁰ Циолковский К. Э. Причина космоса. — Калуга, 1925. — С. 25.
¹¹ Там же.
¹² Там же.

От искусственного порядка к естественному ходу вещей

- ¹ Холодный Н. Г. Избранные труды. — С. 149.
² Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. — М., 1981. — С. 38.
³ Там же.
⁴ Там же. — С. 233.
⁵ Вернадский В. И. Архив АН СССР. — Ф. 518. — Оп. 1 — Д. 161. — Л. 16.
⁶ Вернадский В. И. Живое вещество. — М., 1878. — С. 13.
⁷ Там же. — С. 313.
⁸ Умов Н. А. Собр. соч. — М., 1916. — Т. 3. — С. 436.
⁹ Федоров Н. Ф. Супраморализм или всеобщий синтез// Вечное солнце. — М., 1978. — С. 394.
¹⁰ Циолковский К. Э. Грезы о земле и небе. — С. 308.

ЛИТЕРАТУРА

- Вернадский В. И. Философские размышления натуралиста. — М., 1988.
 Гаврюшин Н. К. Из истории русского космизма//Труды пятых и шестых чтений, посвященных разработке научного наследия и развитию идей К. Э. Циолковского. — М., 1972.
 Гиренок Ф. И. Экология, цивилизация, ноосфера. — М., Моисеев Н. Н. Алгоритмы развития. — М., 1988.
 Переписка В. И. Вернадского и П. А. Флоренского // Новый мир. — 1989. — № 2.
 Чижевский А. Л. Стихи. — М., 1988.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В «Приложении» помещены «Теория космических эр» А. Л. Чижевского и «Космическая философия» К. Э. Циолковского. Источником публикации является издание «К. Э. Циолковский. Грезы о земле и небе» (Тула, 1986).

Выбор публикуемых работ обусловлен двумя обстоятельствами. Во-первых, они малоизвестны широкому кругу читателей, так как до недавнего времени хранились в архиве и впервые обнародованы в 1986 г. в Туле. Во-вторых, читатель может сопоставить краткое изложение концепции «космизма» К. Э. Циолковским и как бы стороннее восприятие этой концепции А. Л. Чижевским.

«Теория космических эр» написана Чижевским в форме воспоминания одной из бесед, состоявшейся у него с Циолковским. Развивая тему космизма, собеседники очерчивают круг вопросов, лежащих на пределе возможностей человеческого понимания. Разговор начинается с констатации того, что в мире есть вещи, не поддающиеся объяснению. Затем вводится представление о такой стороне мира, о которой мы можем что-то узнать, если поставим вопрос «зачем» или «в чем смысл» существования самого мира? Для того чтобы «найти» смысл, нет необходимости в использовании языка истины. Почему? Потому что если задан вопрос о смысле, то мы уже другие, живем другой жизнью. До этого вопроса мы одни, а после него — другие. Попадая в поле смысла, мы меняем режим своей жизни.

Это одна из главных мыслей всего диалога, заканчивающегося вполне объектной периодизацией «другой жизни».

«Космическая философия» К. Э. Циолковского состоит из шести развернутых тезисов. В них конструируется такая онтологическая «картинка» мира, которая, попадая в наши головы, создает условия для космического мироощущения. Этой «картинкой» обнаруживается связь между человеком и космическим целым, между конечным и бесконечным. Обе публикуемые работы показывают взаимную связность проблем онтологии, гносеологии и праксеологии.

А. Л. ЧИЖЕВСКИЙ

ТЕОРИЯ КОСМИЧЕСКИХ ЭР

Я — чистейший материалист.
Ничего не признаю, кроме материи.

К. Э. Циолковский

Человечество бессмертно.

К. Э. Циолковский

...Однажды, войдя в светелку, я застал К. Э. Циолковского в глубоком раздумье. Он был в светлой косоворотке, с расстегнутым воротом и сидел в своем кресле, глубоко войдя в него. Он не сразу заметил, что я поднялся по лестнице и подошел к нему.

«Помешал» — пронеслось у меня в голове. Но Константин Эдуардович протянул мне руку и сказал:

— Садитесь, Александр Леонидович. Это я вот зря задумался о вещах, не поддающихся объяснению...

Мы поздоровались, и я сел рядом на стул.

— Как это — не поддающихся объяснению? — спросил я.
— Что за чудеса? Мне кажется, все, что существует в мире, подлежит объяснению. Конечно, с точки зрения человека. Для этого ему дан мозг, хотя и несовершенный, особенно у некоторых...

— Нет, Александр Леонидович, это не совсем так. Мозг, верно, во многое может проникнуть, но не во все, далеко не во все... Есть и ему границы...

— Так это еще древние знали, — заметил я, — наше незнание огромно, а знаем мы очень мало.

— Нет, это вопрос совсем другой категории. Сам вопрос этот не может быть поставлен, ибо он является вопросом всех вопросов...

— То есть? Не совсем понимаю...

— Очень просто. Есть вопросы, на которые мы можем дать ответ — пусть не точный, но удовлетворительный для сегодняшнего дня. Есть вопросы, о которых мы можем говорить, которые мы можем обсуждать, спорить, не соглашаться, но есть вопросы, которые мы не можем задавать ни другому, ни даже самому себе, но непременно задаем себе в минуты наибольшего

понимания мира. Эти вопросы: зачем все это? Если мы задали себе вопрос такого рода, значит, мы не просто животные, а люди с мозгом, в котором есть не просто сеченовские рефлексy и павловские слюны, а нечто другое, иное, совсем не похожее ни на рефлексy, ни на слюны... Не прокладывает ли материя, сосредоточенная в мозгу человека, некоторых особых путей, независимо от сеченовских и павловских примитивных механизмов? Иначе говоря, нет ли в мозговой материи элементов мысли и сознания, выработанных на протяжении миллионов лет и свободных от рефлекторных аппаратов, даже самых сложных? Да-с, Александр Леонидович, как только вы зададите себе вопрос такого рода, значит, вы вырвались из традиционных тисков и взмыли в бесконечные выси: зачем все это — зачем существуют материя, растения, животные, человек и его мозг — тоже материя, — требующий ответ на вопрос: зачем все это? Зачем существует мир, Вселенная, Космос? Зачем? Зачем?

Материя — единое существующее, независимо от ее движения или перемещения в пространстве. Я говорю о внешнем движении, например, движении моей руки со слухачом или движении Земли по ее орбите. Это движение не определяет материи, и им можно пренебречь. Глубокое познание строения материи нам пока не доступно. Но некогда наступит переломный момент, когда человечество приблизится к этому «эзотерическому» знанию. Тогда оно и подойдет вплотную к вопросу: зачем? Но для этого должны пройти миллиарды лет космической эры...

Многие думают, что я хлопочу о ракете и беспокоюсь о ее судьбе из-за самой ракеты. Это было бы глубочайшей ошибкой. Ракеты для меня только способ, только метод проникновения в глубину космоса, но отнюдь не самоцель. Не доросшие до такого понимания вещей люди говорят о том, чего не существует, что делает меня каким-то одбоким техником, а не мыслителем. Так думают, к сожалению, многие, кто говорит или пишет о ракетном корабле. Не спорю, очень важно иметь ракетные корабли, ибо они помогут человечеству расселиться по мировому пространству. И ради этого расселения я-то и хлопочу. Будет иной способ передвижения в космосе — приму и его... Вся суть — в переселении с Земли и в заселении космоса. Надо идти навстречу, так сказать, космической философии! К сожалению,

наши философы об этом совсем не думают. А уж кому-кому как не философам следовало *бы* заняться этим вопросом. Но они либо не хотят, либо не понимают великого значения вопроса, либо просто боятся. И то возможно! Представьте себе философа, который боится! Демокрита, который трусит! Немыслимо!

Дирижабли, ракеты, второе начало термодинамики — это дело нашего дня, а вот ночью мы живем другой жизнью, если зададим себе этот проклятый вопрос. Говорят, что задавать такой вопрос — просто бессмысленно, вредно и ненаучно. Говорят — даже преступно. Согласен с такой трактовкой... Ну а если он, этот вопрос, все же задастся... Что тогда делать? И задается он не только здесь в светелке Циолковского, но некоторые головы полны им, насыщены им — и уже не одно столетие, не одно столетие, не одно тысячелетие... Этот вопрос не требует ни лабораторий, ни трибун, ни афинских академий. Его не разрешил никто: ни наука, ни религия, ни философия. Он стоит перед человечеством — огромный, бескрайний, как весь этот мир, и вопиет: зачем? зачем? Другие — понимающие — просто молчат.

— Да, да, — сказал я. — Ответа на этот вопрос нет. Но, может быть, вы, Константин Эдуардович, что-либо придумали?

Циолковский рассердился. Слуховой рупор заходил в его руках.

— Придумали? Как вы спрашиваете? Нет, Александр Леонидович, говорить так нельзя. Сей учитель, как и все малые мира сего, — и Константин Эдуардович показал на свою грудь, — ничего не может ответить на этот вопрос... Ничего, кроме некоторых догадок, может быть, и достоверных!

— Прежде всего, чтобы ответить на какой-либо вопрос, нужно его ясно сформулировать, — сказал я.

— Ну, это сколько угодно. Сформулировать этот вопрос я могу, остается лишь неясным: может ли человек верно и точно сформулировать его. Вот этого я не знаю, хотя, конечно, хотел бы знать. Вопрос же сводится все к тому же: зачем и почему существует этот мир, ну и, конечно, все мы, то есть суть материи. Вопрос этот прост, по кому мы его можем задать? Самим себе? Но это тщетно! Тысячи философов, ученых, религиозных деятелей за несколько тысячелетий так или иначе пытались его разрешить, но наконец признали его неразрешимым. От этого факта не стало легче тому, кто этот вопрос задает себе. Он все

так же мучится, страдает из-за своего незнания, некоторые люди даже говорят, что вопрос такого рода «ненаучен» (поймите это: ненаучен!), ибо ответить на него никто даже из умнейших людей не может. Только они, эти умнейшие люди, не объяснили, почему он ненаучен. Я подумал так: всякий вопрос может быть научным, если на него рано или поздно будет дан ответ. К «ненаучным» же относятся все те вопросы, которые остаются безответными. Но человек постепенно разгадывает некоторые загадки такого рода. Например, через сто или через тысячу лет мы узнаем, как устроен атом, хотя вряд ли узнаем, что такое «электричество», из которого построены все атомы, вся материя, то есть весь мир, космос и т. д. Потом наука многие тысячелетия будет разрешать вопрос о том, что такое «электричество». Значит, как наука ни старается, природа все время ставит ей новые и новые задачи величайшей сложности! При разрешении вопроса об атоме или об электричестве возникает еще новый вопрос о чем-либо малопонятном человеческому уму... И так далее. Выходит, что либо человек не дорос до решения такого рода проблем, либо природа хитрит с ним, боится его, как бы он не узнал более, чем то положено по уставу. Л об уставе этом мы тоже ничего путного не знаем. Опять «темно во облацех». Так одно цепляется за другое, а в действительности выходит, что мы стоим перед непроглядной стеной неизвестности.

— И эта неизвестность называется антинаучностью, — подлил я масла в огонь...

— Вот именно: ненаучность!.. — воскликнул Константин Эдуардович. — Научно все, что мы держим в руках, ненаучно все, чего мы не понимаем! С таким ярлыком далеко не уедешь. И в то же время мы знаем, что знаем мало, очень мало из всего того, что предлагает природа нашему изучению... Еще весь мир нам предстоит изучить — так много в нем неизвестного и просто-напросто непонятного, а мы уже устраиваем заборы: это можно, а этого нельзя!.. Это бери и изучай, а этого не смей трогать. В моей маленькой практике такие рекомендации постоянны; разрабатывай металлический дирижабль, вот тебе деньги, а ракеты не трогай, дескать, ракеты не по твоим зубам! А ведь я-то в таких рекомендациях не нуждаюсь! Совсем не нуждаюсь!

— Слава богу, это известно, кажется, всем.

— Так вот, видите ли, мало толку, если *и* всем известно! Есть силы большие, чем «все». Что тут делать! Вот эти- то силы и запрещают думать и разрабатывать неясные вопросы, которые задает нам наш мозг. Не спорю, быть может, это даже хорошо для процветания человечества. Ибо близкое знакомство с некоторыми вещами может быть пагубно для людей. Ну представьте себе, что мы бы вдруг научились вещество полностью превращать в энергию, то есть воплотили бы преждевременно формулу Эйнштейна в действительность. Ну тогда — при человеческой морали — пиши пропало, не сносить людям головы. Земля превратилась бы в ад крошечный: уж люди показали бы свою голубиную умонастроенность — камня на камне бы не осталось, не то что людей. Человечество было бы уничтожено! Помните, мы как-то говорили с вами о конце света. Он близок, если **не** восторжествует ум! Вот тут-то и необходимо запрещение — строгий запрет в разработке проблем о структуре материи. А с другой стороны, если наложить запрет на эту область физики, то надо затормозить и ракету, ибо ей-то необходимо атомное горючее. А затормозить ракету — это значит прекратить изучение космоса... Одно цепляется за другое. По-видимому, прогресс невозможен без риска!.. Но тут человечество воистину рискует всем.

— Но мы отвлеклись в сторону, — сказал я, интересуясь основной темой этого разговора.

— Нет, не отвлеклись, а сделали по необходимости ветку в сторону. Основа основ еще впереди, хотя объяснить ее трудновато.

— Если вообще возможно, Константин Эдуардович.

— Объяснить возможно даже то, что мы не знаем! Если я спросил себя: зачем, почему все существует? — значит, я могу дать на это ответ — правда, далеко не сразу... В конечном итоге все сводится к существованию в мире материи, что, кажется, в особых доказательствах не нуждается. Это — ясно! Люди, животные и растения — все это ступени развития самой материи, и только материи — под названием Земля, Марс, Солнце, Сириус, Угольные мешки, Магелланово облако, микробы, растения, животные, люди и т. д. Неоживленная мёртвая материя хочет жить и где только возможно живет и даже мыслит в образе человека или «эфирных существ», допустим и это.

— Для жизни нужны физико-химические условия, — громко вставил я прямо в слуховой рупор.

— Конечно, они нужны. Но нельзя отрицать основного свойства материи — «желания жить» и, наконец, после миллиардов лет, — познавать. И вот перед вами Циолковский, который, как часть материи, хочет познать: зачем это нужно ей, материи, в ее космическом смысле? Зачем, спрашиваю я... А вы, Александр Леонидович, молчите... А я жду ответа. Что вы можете сказать?

— Маловато, — ответил я... — Мои стихи вы знаете. В них я кое-что сказал о космическом смысле материи.

— Да, да стихи о материи, но этого мало. А вот я кое-что хочу вам рассказать... Все мы спрашиваем себя, зачем существует мир, какую миссию он выполняет, к каким высотам идет через человека — наверняка через человека! И тут же задаем себе вопросы: каково отношение количества мыслящей материи к немыслящей... и получаем совершенно незаметную величину, даже с учетом тех геологических периодов, когда жил человек. В мире неизмеримо больше камня, чем мысли, больше огня, чем мозговой материи. Тогда мы ставим такой вопрос: да уж нужна ли природе мозговая материя и мысль человека? А может быть, она — мысль, сознание — не нужны природе? И такой вопрос можно поставить.

Но раз она существует, значит, она, мысль, нужна природе. Вот тут-то и начинается история с географией, мы приближаемся к сути всего сущего. Как вы в ваших стихах. Существование в природе мозгового аппарата, познающего самого себя, конечно, в известной мере есть факт величайшего значения, факт исключительный по своему философскому, познавательному значению. Хочу, чтобы вы поняли мою мысль: раз в природе существует мозговой аппарат человека, а для этого природе понадобились миллиарды лет, значит, он природе необходим, а не является только возникшим в результате долгой борьбы (пусть случайной, а не направленной) природы за существование в космосе человеческой мысли...

И есть еще один важный пункт в моих рассуждениях: является ли материя вообще неслучайным явлением в космосе или она случайна, то есть временна и конечна. Этот вопрос стоит в начале всех вопросов, и без ответа на него ответы на другие во-

просы будут неверными. Вопрос о случайности или недолговечности материи был поставлен еще древними мудрецами, правда, в завуалированной форме. Они учили, что есть духовный мир, где «ни слез, ни вздыханий, а жизнь бесконечна».

Идея «случайности» материи пришла мне на ум после того, как я узнал, что средняя плотность массы вещества в галактике не превосходит единицы, деленной на единицу с двадцатью пятью нулями граммов в одном кубическом сантиметре...

Возможно, что это число 10^{-25} преувеличено, если один атом приходится на несколько кубических сантиметров космического пространства.

Для космического пространства, имеющего радиус, равный миллиону парсек, я определяю это отношение не более как единицу, деленную на единицу с 38 нулями...

Я записал это число на клочке бумаги и спросил:

— Константин Эдуардович, что вы подразумеваете под «космическим пространством», ведь надо условиться...

— Конечно, я теперь не считаю, что «эфир» заполняет космическое пространство, как думали несколько лет назад, а признаю его за «вакуум», то есть космическое пространство материально пусто (по Демокриту), за исключением материальных следов в нем...

Если мы заглянем в это пространство, которое нас окружает, мы не увидим ничего, кроме этих 10^{-25} граммов в одном кубическом сантиметре. Оставим теорию физикам, пусть они решают такие задачи, а философы не могут молчать уже сегодня, хотя еще многое нам неизвестно...

— Это значит, — продолжал Константин Эдуардович, — что вещество в космосе занимает исчезающе малый объем по сравнению с объемом «пустого» пространства. Размышляя далее, я должен был прийти к странному на первый взгляд положению: малость вещества говорит о его случайности или временности, ибо все случайное или временное имеет малую или исчезающе малую величину. Для случайных и временных величин и значений их малость является наиболее убедительной характеристикой. Что же из этого вытекает? Отвечу на это сам: вообще говоря, не будет большой ошибкой признать, что случайная величина может когда-нибудь исчезнуть: или время ее жизни кончится, или, говоря языком физики, преобразоваться в

лучевую энергию (т. е. должно осуществиться то, что сейчас мы называем полной аннигиляцией материи. — А. Ч.). Вообще говоря, малые величины и значения поглощаются без остатка большими, и это происходит тем скорее, чем больше разница между большими и малыми величинами, а тут мы имеем колоссальную разницу, равную 10^{33} .

— Итак, — сказал я, — вы выдвигаете принцип уничтожения, или принцип потери, или преобразования бесконечно малых величин?

— Если хотите — да! Можно сказать и так. Это своего рода монизм. Однообразие. Но не подумайте, что это энтропия! Боже избави, в том мире энтропии также не будет существовать, как не существует и в этом для открытых систем.

Константин Эдуардович развил далее свою мысль об исчезновении твердой, жидкой и газообразной материи и о ее преобразовании в лучистый вид энергии, что не ново и диктуется эйнштейновской формулой эквивалентности энергии и массы. Но формула Эйнштейна прилагается к существующей в наше время материи и имеет обратимый характер, ибо из формулы не вытекает ее односторонняя направленность. Значит, допустим такой вид материи, переход которой в энергию или излучение будет односторонним, необратимым. По-видимому, такой характер преобразования материи будет существовать в терминальную эру космоса, и тогда над равенством в формуле Эйнштейна будет поставлена направляющая, или векторная, стрелка. Вот эта малая стрелочка будет говорить будущим сверхлюдям о многом. Да и материя уже будет этим сверхлюдям не нужна, так как вопрос о ее назначении в космосе будет принципиально разрешен.

Циолковский на минуту остановился, отдышался, потом тихо произнес:

— Если бы нас с вами кто-нибудь сейчас подслушал, то сказал бы примерно так: вот старый фантазер развивает свои мысли перед молодым, а тот его слушает и не возражает. Но, уверяю вас, что дело это совсем не такое пустяковое, как кто-либо думает. Это дело — величайшей и сокровенной философской важности, о которой-то и говорить страшно. Поэтому-то люди такого рода мысли называли «ошибочными», «антинаучными» и приказали держать язык за зубами. Но человеческая

мысль прорывается сквозь этот барьер, она не признает никаких запретов и преград и не читает ярлыков, которые жандармы навесили на языки и головы... Как хотите, считайте меня отсталым или ретроградом — чем хотите, а я должен рассказать вам об этих своих мыслях, раз они все тут у меня (Константин Эдуардович коснулся лба) засели и держат меня в плену.

Многие предполагают, что моя мысль о вечности человечества обрывается на цветке, выросшем на могилке. Это поэтично, но не научно. Такой кругооборот неоспорим, но примитивен. Он уже осуществляется теперь и не может быть опровергнут. Но он не космичен, а значит, ограничен только миллионами лет. Это не представляет интереса, это не космические масштабы. Это только поэтический символ. Отталкиваясь от него, надо идти дальше. Попробуем без боязни!

— Попробуем! — согласился я. — Смелость, говорят, города берет.

— Прежде всего надо установить и утвердить один основной факт, о котором повествуют почти все религиозные учения. Но мы анализируем его и утверждаем с материалистических позиций, а именно: за всю историю мыслящего человечества никакой «души» в человеке обнаружено не было, хотя ее искали и даже приписывали ей «место и вес» или «массу»... Все оказалось вздором. Никто и никогда также не обнаружил потустороннего мира, хотя всякого обмана была масса! После смерти ничего нет, кроме распада человеческого тела на химические элементы. В наше время этот факт не вызывает каких-либо сомнений. Вся метапсихология и парапсихология сводятся к «передаче сообщений» от мозга к мозгу и к подобным явлениям, механизм которых будет намечен в ближайшее столетие. Всюду и везде — одна материя, но в ней-то — вся суть дела... Отбросив ложные представления людей, обратим внимание на их чистую символику. «Душа», «потусторонний мир», «вечное блаженство», «вечная жизнь» — это суть символы, туманные догадки многих миллионов мыслящих людей, которые свою глубокую интуицию передавали в самих материальных образах. Это парадоксально, но факт, да иначе и быть не могло. «Душа» у них обладала местом и весом, «потусторонний мир», «рай» и «ад» находились на определенной территории Земли или где-то в пространстве и т. д. В наше время у мыслящих людей от этих

представлений ничего не осталось, кроме символики — смутной догадки о будущем человечества. Мы должны признать за ней право на существование, ибо нельзя многие миллионы людей признать полоумными или просто глупцами! Над этими общепринятыми во всех религиях символами надо глубоко поработать, полнее расшифровать их с космической точки зрения. Я думал о них в свое удовольствие и в разных вариациях...

И все же все это только догадки на новом уровне. И они оставались бы таковыми, не будь у нас космической точки зрения. Эволюция космоса придает нашим воззрениям новое бытие, освобожденное от вымысла и от первичных детски наивных представлений о душе или потустороннем мире. Сразу же все преобразается, становится более или менее ясным и доходчивым. Отметая древние выдумки, мы восходим на новую позицию и говорим на языке современного нам материализма. Мы приобретаем право, исходя из тысячелетней символики древних, ставить вопрос: зачем? почему? иначе говоря, получаем право посмотреть на материю не с идеалистической, а с космической точки зрения. Тут на ум приходит одно веское замечание...

Константин Эдуардович протер очки, откашлялся, поднял рупор к уху и продолжал:

— Неужели вы думаете, что я так недалек, что не допускаю эволюцию человечества и оставляю его в таком внешнем виде, в каком человек пребывает теперь: с двумя руками, двумя ногами и т. д. Нет, что было бы глупо. Эволюция есть движение вперед. Человечество как единый объект эволюции тоже изменяется и наконец через миллиарды лет превращается в единый вид лучистой энергии, то есть идея заполняет все космическое пространство. О том, чем будет дальше наша мысль, мы не знаем. Это — предел ее проникновения в грядущее, возможно, что это — предел мучительной жизни вообще. Возможно, что это — вечное блаженство и жизнь бесконечная, о которых еще писали древние мудрецы... Да вы меня слушаете, Александр Леонидович? Чего глаза закрыли? Спите?

— Я слушаю вас внимательно, — ответил я, — глаза закрыл, чтобы сосредоточиться...

— Только не смейтесь и не отводите мне места за решеткой в доме умалишенных.

— Да что это вы такое выдумываете, Константин Эдуардович, я внимательно слушаю вас и не считаю, что ваши мысли подлежат остракизму.

— Хорошо! Итак, значит, мы пришли к выводу, что материя через посредство человека не только восходит на высший уровень своего развития, но и начинает мало-помалу познавать самое себя! Вы, конечно, понимаете, что это уже огромнейшая победа материи, победа, стоившая ей так дорого. Но природа шла к этой победе неуклонно, сосредоточив все свои грандиозные возможности в молекулярно-пространственной структуре микроскопических зародышевых клеток... Только таким путем, через миллиарды лет, мог возникнуть мозг человека, состоящий из многих миллиардов клеток, со всеми его поразительными возможностями. И одна из самых поразительных его возможностей — это вопрос, о котором мы сегодня заговорили: почему, зачем и т. д. ...Действительно, вопрос такого рода мог быть задан только на вершине познания. Кто пренебрегает этим вопросом, тот, значит, не понимает его значения, ибо материя, в образе человека, дошла до постановки такого вопроса и властно требует ответа на него. И ответ на этот вопрос будет дан — не нами, конечно, а нашими потомками, если род людской сохранится на земном шаре до того времени, когда ученые и философы построят картину мира, близкую к действительности.

Все будет в руках тех грядущих людей — все науки, религии, верования, техника — словом, все возможности, и ничем будущее знание не станет пренебрегать, как пренебрегаем мы, еще зlostные невежды, данными религии, творениями философов, писателей и ученых древности. Даже вера в Перуна и та пригодится. И она будет нужна для создания истинной картины мира. Ведь Перун — это бог грома и молнии. А разве вы не поклонник атмосферного электричества? Да и я его тайный поклонник...

— Да, — продолжал он, — чтобы ответить на этот вопрос: почему? — человек должен быть вооружен знаниями до зубов, иначе он не сможет дать исчерпывающего ответа. Вообще же те, которые отрекаются, отрещиваются от этого вопроса, те, которые относят его к ряду мракобесных, религиозных и прочих таких вопросов, сами не знают, что творят. Человечество не может жить в таких шорах, как живет, двигать своею мыслью по указ-

ке, ибо человек не машина, и это надо запомнить: человек настраивается природой в определенном тоне, это, безусловно, мажорный тон, требовательный тон, а не мольба о помиловании. Человек постепенно перерождается — из жалкого просителя он становится в воинственную позу и начинает требовать: дескать, выкладывай, мать-природа, всю истину. Так заявляет о себе новая космическая эра, к которой мы подходим, медленно подходим, но верно... Вступление в космическую эру человечества — это поважнее, чем восшествие на престол Наполеона Бонапарта. Это грандиозное событие, касающееся всего земного шара, это робкое начало расселения человечества по космосу.

Космическое бытие человечества, как все в космосе, может быть подразделено на четыре основные эры:

1. Эра рождения, в которую вступит человечество через несколько десятков лет и которая продлится несколько миллиардов лет;

2. Эра становления. Эта эра будет ознаменована расселением человечества по всему космосу. Длительность этой эры — сотни миллиардов лет;

3. Эра расцвета человечества. Теперь трудно предсказать ее длительность — тоже, очевидно, сотни миллиардов лет;

4. Эра терминальная займет десятки миллиардов лет. Во время этой эры человечество полностью ответит на вопрос: зачем? — и сочтет за благо включить в действие второй закон термодинамики в атоме, то есть из корпускулярного вещества превратится в лучевое. Что такое лучевая эра космоса — мы ничего не знаем и ничего предполагать не можем.

Допускаю, что через многие миллиарды лет лучевая эра космоса снова превратится в корпускулярную, но более высокого уровня, чтобы все начать сначала: возникнут солнца, туманности, созвездия, планеты, но по более совершенному закону, и снова в космос придет новый, более совершенный человек... чтобы перейти через все высокие эры и через долгие миллиарды лет погаснуть снова, превратившись в лучевое состояние, но тоже более высокого уровня. Пройдут миллиарды лет, и опять из лучей возникнет материя высшего класса и появится наконец сверхновый человек, который будет разумом настолько выше нас, насколько мы выше одноклеточного организма. Он уже не будет спрашивать: почему, зачем? Он это будет знать и, исходя

из своего знания, будет строить себе мир по тому образцу, который сочтет более совершенным... Такова будет смена великих космических эр и великий рост разума! И так будет длиться до тех пор, пока этот разум не узнает всего, то есть многие миллиарды миллионов лет, многие космические рождения и смерти. И вот, когда разум (или материя) узнает все, само существование отдельных индивидов и материального или корпускулярного мира он сочтет ненужным и перейдет в лучевое состояние высокого порядка, которое будет все знать и ничего не желать, то есть в то состояние сознания, которое разум человека считает прерогативой богов. Космос превратится в великое совершенство.

Такова схема, пока голая схема, но периодические пути рождения и смерти человека ясны уже и теперь. Ясно уже теперь, что вопрос: зачем и почему? — будет решен разумом, то есть самой материей, через бесконечные миллиарды лет, может быть, не ранее того, как изменится вся окружающая нас материя, пройдя постепенно через одушевленную жизнь и мыслящий мозг человека, сверхчеловека и абсолютное его совершенство. В своих построениях я оперирую сотнями миллиардов лет в соответствии с размерами самого космоса, ибо космическая материя, время и разум связаны между собой простым математическим соотношением, которое я еще не написал...

Я молчал, ошеломленный миллиардами лет Циолковского и неограниченным полетом его мысли. Было нечто торжественно-трогательное в этом построении — трагическое для человека, трагическое и вместе с тем великое.

Я молчал и ждал, что еще скажет Константин Эдуардович. И вот он начал:

— Я поделился с вами, Александр Леонидович, своими сокровенными мыслями, которые нельзя опубликовать, ибо еще не пришло время для их восприятия. Я даже не записываю их... Для чего?..

Константин Эдуардович на минуту остановился, поправил слуховую трубку и, не услышав от меня ни одобрения, ни протеста, сказал:

— Ну вот, кажется, и вся теория космических эр. Секретная теория — для «посвященных». Конечно, это только черновой набросок, эскиз, требующий широкой и обоснованной раз-

верстки. Это сделают философы будущего. Судя по вашим стихам, наши точки зрения на эволюцию материи совпадают. У нас имеется только одно расхождение: это — время. Вы, Александр Леонидович, отводите слишком короткое время, я — достаточное. Чтобы ответить на эти вопросы, жизнь человечества и сверхчеловечества растягивается до миллиарда миллиардов лет. И уверяю вас, что это тоже очень небольшое время сравнительно с рождением, становлением, расцветом и исчезновением видимых галактических систем... Перейдя в лучистую форму высокого уровня, человечество становится бессмертным во времени и бесконечным в пространстве. Думаю, что в настоящее время такое «лучистое человечество» никем не может быть понято. Оно кажется нам нелепым, абсурдным... Однако удивительные предчувствия никогда не обманывали мыслящего человека. Форма идеи может быть многообразна: она проявляет себя самым неожиданным образом...

Этот разговор с К. Э. Циолковским и его теория космических эр весьма меня удивили. Он смело обращался с идеей о косной материи, о «лучистом» человечестве и с миллиардами миллиардов лет, которые он отводил ее эволюции, дабы, пройдя через мозг высших организмов, превратиться в необратимую форму лучистой энергии, наиболее совершенную форму материи вообще да еще вдобавок обладающую каким-то особым космическим сознанием, разлитым в мировом пространстве. Все это показалось мне более чем странным, и высказывания Константина Эдуардовича граничили с мистикой. В то же время всюду была и оставалась до конца материя, ее эволюция и лучистая ее форма. Это было вполне материалистично и, следовательно, никакой мистикой такого рода мировоззрение не обладало. Это я хочу особенно отметить, ибо с первого взгляда может показаться, что данная концепция К. Э. Циолковского метафизична. Обдумывая эту концепцию, я должен был прийти к выводу, что Константин Эдуардович как человек науки не погрешил против основного тезиса передового воззрения и оставался, даже в самых необычайных построениях, человеком прогрессивным — материалистом в лучшем смысле этого слова.

И все же его мысли были удивительны. Может быть, они показались мне столь удивительными? Иначе либо я их не понял, либо не принял как своеобразную философию — филосо-

фию космических эр, объединенных материей. Итак, К. Э. Циолковский, в противоречии со всеми своими высказываниями, вдруг заговорил о конце материи, о конце мира. Это было либо неверно, либо ужасно! Пусть это случится через миллиарды миллиардов лет! Допустим, что это не противоречит некоторому еще не сформулированному закону, которому подчиняется материя, ее бытие в будущем космосе! Кто знает? Это дело грядущей физики и космических эр.

Тут я ставлю точку. Я останавливаюсь в своих воспоминаниях на этом. Стоит ли продолжать мысль о совсем нам неизвестном и даже непредставимом. Конечно, не стоит. Конечно, не имеет никакого смысла!

Константин Эдуардович, кончив говорить о своей новой теории, поник головой. Несколько минут мы молчали. Левая рука, державшая слуховую трубку, дрожала от усталости, но он этого не замечал. Я сделал ему знак опустить трубку на пол, как он это обычно делал в конце разговора. Я считал, что наш разговор окончен. Возражать, спорить, высказывать недоумение было нельзя. Я должен был сам «переварить» все им сказанное. Я пожал руку Константину Эдуардовичу и спустился из светелки вниз. Дома я сделал небольшую запись: «К. Э. Ц., теория космических эр. 10^{19} земных лет. Стадийность. Энтропия атома. Лучистое человечество»...

К. Э. ЦИОЛКОВСКИЙ

КОСМИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

1. Мы сомневаемся во всюду распространенной жизни. Конечно, на планетах нашей системы возможно если не отсутствие жизни, то ее примитивность, слабость, может быть, уродливость и, во всяком случае, отсталость от земной, как находящейся в особенно благоприятных условиях температуры и вещества. Но млечные пути, или спиральные туманности, имеют каждая миллиарды солнц. Группа же их включает миллионы миллиардов светил. У каждого из них множество планет, и хотя бы одна из них имеет планету в благоприятных условиях. Значит, по крайней мере миллион миллиардов планет имеют жизнь и разум не менее совершенные, чем наша планета. Мы

ограничились группой спиральных туманностей, то есть доступной нам Вселенной. Но ведь она безгранична. Как же в этой безграничности отрицать жизнь?

Какой бы смысл имела Вселенная, если бы не была заполнена органическим, разумным, чувствующим миром? Зачем были бы бесконечные пылающие солнца? К чему их энергия? Зачем она пропадает даром? Неужели звезды сияют для украшения неба, для услаждения человека, как думали в средние века, времена инквизиции и религиозного безумия?

2. Мы склонны думать также, что наиболее высокое развитие жизни принадлежит Земле. Но животные ее и человек сравнительно недавно зародились и пребывают сейчас в периоде развития. Солнце еще просуществует как источник жизни миллионы лет, и человечеству предстоит в этот невообразимый период идти вперед и прогрессировать — в отношении тела, ума, нравственности, познания и технического могущества. Впереди его ждет нечто блестящее, невообразимое. По истечении тысячи миллионов лет ничего несовершенного вроде современных растений, животных и человека на Земле уже не будет. Останется одно хорошее, к чему неизбежно приведет нас разум и его сила.

Но все ли планеты космоса имеют такой же малый возраст, как Земля? Все ли они находятся в периоде развития, в периоде несовершенства? Как знаем из астрономии, возраст солнц самый разнообразный: от только что родившихся разреженных гигантских светил до погасших черных карликов. Старики имеют многие биллионы лет, молодые солнца даже еще не родили своих планет.

Какой же вывод? Выходит, что должны быть и планеты всех возрастов: от пылающих, подобно солнцам, до омертвевших благодаря угасанию своих солнц. Одни планеты, значит, еще не остыли, другие имеют примитивную жизнь, третьи выросли до развития на них низших животных, четвертые имеют уже разум, подобный человеческому, пятые еще шагнули вперед и т. д. Отсюда видно, что мы должны отречься от мнения, будто наиболее совершенная жизнь принадлежит нашей планете.

Все же мы приходим к выводу по совсем утешительному: во Вселенной несовершенная, неразумная и мучительная жизнь

распространена в такой же степени, как и высшая разумная, могущественная и прекрасная.

3. Но верен ли этот вывод? Нет, он неверен, и мы сейчас это выясним. Мы нашли, что возраст планет самый разнообразный. Из этого следует, что есть планеты, которые по развитию разума и могущества достигли высшей степени и опередили все планеты. Они, пройдя все муки эволюции, зная свое печальное прошлое, свое бывшее несовершенство, захотели другие планеты избавить от мук развития.

Если мы, земные жители, уже мечтаем о межпланетных путешествиях, то чего же достигли в этом отношении планеты, которые на миллиарды лет старше нас! Для них это путешествие так же просто и легко, как нам проезд по железной дороге из одного города в другой.

На этих передовых, зрелых планетах размножение идет в миллионы раз быстрее, чем на Земле. Впрочем, оно регулируется по желанию: надо совершенное население — его нарождают быстро и в каком угодно числе.

Посещая окружающих их незрелые миры с примитивной животной жизнью, они уничтожают ее по возможности без мучений и заменяют своей совершенной породой. Хорошо ли это, не жестоко ли? Если бы не было их вмешательства, то мучительное самоистребление животных продолжалось бы миллионы лет, как оно и сейчас продолжается на Земле. Их же вмешательство в немногие годы, даже дни, уничтожает все страдания и ставит вместо них разумную, могущественную и счастливую жизнь. Ясно, что последнее в миллионы раз лучше первого.

Что же из этого следует? А то, что в космосе нет несовершенной и страдальческой жизни: ее устраняет разум и могущество передовых планет. Если она и есть, то на немногих планетах. В общей гармонии Вселенной она незаметна, как незаметна пылинки на белоснежном поле.

Но как же понять присутствие страданий на Земле? Почему высшие планеты не ликвидируют нашу несчастную жизнь, не прекратят ее и не заменят своей, прекрасной? Есть и другие планеты, подобные Земле. Зачем они страдают? В мире совершенном, кроме преобладающего прогресса, есть и регресс, пятный ход. Помимо того, цветы жизни так прекрасны, так разнообразны, что лучшие из них нужно вырастить, дожидаться се-

мян и плодов. Хотя передовые планеты и опередили другие, но ведь это, может быть, объясняется их старым возрастом. Могут быть поздние планеты с лучшими плодами. Необходимо исправлять регресс Вселенной этими ее запоздавшими плодами. Вот почему оставлено без вмешательства небольшое число планет, обещающих дать необыкновенные результаты. Между ними и Земля. Она страдает, но не даром. Плоды ее должны быть высокими, если ее предоставили самостоятельному развитию и неизбежным мучениям. Опять скажу, что сумма этих страданий незаметна в океане счастья всего космоса.

4. Иные думают: мы имеем годы жизни и дециллионы лет небытия! Не есть ли это, в сущности, небытие, так как бытие в массе небытия незаметно и то же, что капля в океане воды?

Но дело в том, что небытие не отмечается временем и ощущением. Поэтому оно как бы не существует, а существует одна жизнь. Кусочек материи подвержен бесчисленному ряду жизней, хотя и разделенных громадными промежутками времени, но сливающихся субъективно в одну непрерывную и, как мы доказали, прекрасную жизнь.

Что же выходит? А то, что общая биологическая жизнь Вселенной не только высока, но и кажется непрерывной. Всякий кусочек материи непрерывно живет этой жизнью, так как промежутки долгого небытия проходят для него незаметно: мертвые не имеют времени и получают его только тогда, когда оживают, то есть принимают высшую органическую форму сознательного животного.

Может быть, скажут: разве доступна органическая жизнь центрам солнц, планет, газовых туманностей и комет? Не обречена ли их материя на вечную смерть, то есть небытие? И Земля, и мы, и все люди, и вся органическая современная жизнь Земли была когда-то веществом Солнца. Однако это не помешало нам выбраться отсюда и получить жизнь.

Материя непрерывно перемешивается: одни ее части уходят в солнца, а другие выходят из них. Всякой капле вещества, где бы она ни находилась, неизбежно придет очередь жить. Ждать ее придется долго. Но это ожидание и огромное время существуют только для живого и есть их иллюзия. Наша же капля не испытывает мучительного ожидания и не заметит биллионов лет.

Опять говорят: я умру, вещество мое рассеется по всему земному шару, как же я могу ожить?

До вашего зарождения вещество ваше тоже было рассеяно, однако это не помешало вам родиться. После каждой смерти получается одно и то же — рассеяние. Но, как мы видим, оно не препятствует оживлению. Конечно, каждое оживление имеет свою форму, не сходную с предыдущими. Мы всегда жили и всегда будем жить, но каждый раз в новой форме и, разумеется, без памяти о прошедшем.

5. Грядущие тысячи и миллионы лет усовершенствуют природу человека в его общественную организацию. Человечество обратится как бы в одно могущественное существо под управлением своего «президента». Это самый лучший из всех людей в физическом и умственном отношении. Но если члены общества высоки по своим качествам, то как же высок высший, научно избранный из них?

Так организуются неизбежно населения и других планет.

Могущественному населению высшей планеты каждой Солнечной системы будут доступны не только планеты этой системы, но и все околосолнечное пространство. Оно эксплуатируется на пользу населения, как и вся солнечная энергия. Ясно, что одна планета есть кроха в Солнечной системе. Она не составляет Центра. Население рассеивается по всему околосолнечному пространству. Объединению подлежит не только каждая планета, но и вся их совокупность и все эфирное население, живущее вне планет в искусственных жилищах. Итак, после объединения каждой планеты неизбежно настанет объединение каждой Солнечной системы.

Могущество их так велико, что они сносятся между собою не только особыми телеграммами, но и лично, непосредственно, как знакомые. Тысячи лет требуются для этого путешествия, по и тысячи лет живут иные жители Солнечных систем, ибо миллиарды лет грядущего развития любой планеты дадут населению каждой и неопределенно долгую жизнь. Катастрофы солнц, их взрывы, повышения и понижения температур заставляют население все предвидеть и все знать о соседних солнцах, чтобы заранее удаляться от угрожающей опасности.

Образуется союз ближайших солнц, союз союзов и т. л. Где предел этим союзам — трудно сказать, так как Вселенная бесконечна.

Мы видим бесчисленное множество «президентов» разной степени совершенства. А так как этих категорий без конца, то нет и пределов совершенству личному — индивидуальному...

6. Мы говорили пока только о вещах и существах из обычной материи. Она содержит 92 или более элементов, а последние составлены из соединения водородных атомов.

Итак, мы говорили про водородные существа, про водородный мир.

Но нет ли еще какого-нибудь другого вещества? Есть у нас такое вещество — малопостижимый светонесущий эфир, заполняющий все пространство, между солнцами и делающий материю и Вселенную непрерывной.

Есть основания предполагать, что солнца и вообще все тела теряют материю тем сильнее, чем они горячее. Куда девается эта материя? Мы думаем, что она переходит или разлагается на более простую и упругую, которая и распространяется в космосе. Может быть, это есть эфир или другое неводородное вещество.

Но откуда же появились солнца, газообразные туманности и весь водородный мир? Если материя разлагается, то должен быть и обратный процесс — ее синтеза, то есть образования из ее обломков вновь известной нам водородной материи 92 сортов.

Обратимость мы наблюдаем во всех механических, физических, химических и биологических явлениях. Нужно ли об этом говорить? Кому не известны явления обратимости, кругового процесса, когда разрушенное вновь возникает? Подразумеваю это явление в широком значении, в приблизительном, а не точно математическом, потому что точно ничего не повторяется. При этих явлениях, однако, соблюдается закон сохранения энергии. Но тут вмешивается скрытая потенциальная внутриатомная энергия вещества, и явление иногда запутывается. Так радиоактивность на первых порах запутала ученых. Приведем простейшие приметы обратимости. Большая скорость тел переходит в малую и обратно. Из жидкости получается пар и обратно. Происходит химическое соединение и обратно. Все 92 эле-

мента разлагаются на водород, а из последнего получается 92 элемента. Органическая материя переходит в неорганическую, а неорганическая — в органическую.

Так, вероятно, и разложение солнц в одном месте сопровождается образованием их в другом.

Раз обратимость так обычна, то почему не допустить ее и в деле разрушения водородной материи? Она обращается в энергию, но надо думать, что энергия — особый вид простейшей материи, которая рано или поздно опять даст известную нам водородную материю.

Что же такое есть самый атом водорода — начало всего известного вещественного мира?

Он создан прошедшим временем, а оно бесконечно велико. Следовательно, и атом бесконечно сложен. У водорода были более простые родители, еще более простые деды и т. д.

Не подобно ли этому происхождение человека? Не были ли его предки все более и более простыми по мере удаления от нашего времени? Родоначальник человека — водород, а более близкие предки — 92 элемента. Но человек отдален от этих предков всего на несколько сотен миллионов или миллиардов лет. Это так мало в сравнении с бесконечностью! Каковы же были предки водорода несколько дециллионов лет назад?

Одним словом, если разделить бесконечное время на ряд бесконечностей, то каждой из этих бесконечностей будет соответствовать своя материя, свои солнца, свои планеты и свои существа...

Осталось ли что-нибудь от прежних эпох: более простая материя, легкие эфирные существа и т. д.? Мы видим световой эфир. Не есть ли это один из осколков первобытной материи? Мы видим порою необыкновенные явления. Не есть ли они результат деятельности уцелевших разумных существ иных эпох?

Возможно ли, чтобы остались следы их? Приведем пример. Наши земные существа стали возникать со времени остывания земной коры. Но одни из них доросли до высших животных, а другие остались теми же инфузориями и бактериями, какими и были. Время-то прошло одно и то же, но какое различие в достижениях! Так, может быть, часть вещества каждой эпохи оставила некоторое количество и свойственной ей материи, и свойственных ей живых существ?

7. Резюмируем изложенное:

А. По всей Вселенной распространена органическая жизнь.

Б. Наиболее важное развитие жизни принадлежит не Земле.

В. Разум и могущество передовых планет Вселенной заставляют утопать ее в совершенстве. Короче, органическая жизнь ее, за незаметными исключениями, зрела, а потому могущественна и прекрасна.

Г. Эта жизнь для каждого существа кажется непрерывной, так как небытие не ощущается.

Д. Всюду в космосе распространены общественные организации, которые управляются «президентами» разного достоинства. Один выше другого, и таким образом, нет предела личному или индивидуальному развитию. Если нам непонятно высок каждый зрелый член космоса, то как же непостижим «президент» первого, второго, десятого, сотого ранга?

Е. Бесконечность истекшего времени заставляет предполагать существование еще ряда своеобразных миров, разделенных бесконечностями низшего порядка. Эти миры, усложняясь, оставили часть своего вещества и часть своих животных в первобытном виде.

8. Отсюда видна бесконечная сложность явлений космоса, которую, конечно, мы не можем достигнуть в должной мере, так как она еще выше, чем мы думаем. По мере расширения ума увеличиваются знания и раскрывается для него Вселенная все более и более...

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Три течения	6
Имена и история	9
Антропокосмизм и гуманизм.....	13
Душа и космос	16
Кочующее человечество	20
Множественность разумных миров и проблема понимания	25
От искусственного порядка к естественному ходу вещей	29
Примечания	35
Литература.....	38
Приложение.....	39
Л. Чижевский. Теория космических эр	41
К. Э. Циолковский. Космическая философия	55

Научно-популярное издание

Федор Иванович ГИРЕНОК

РУССКИЕ КОСМИСТЫ

(Из цикла «Страницы истории
отечественной философской мысли»)

Гл. отраслевой редактор Ю. Н. Медведев

Редактор Л. К. Кравцова

Мл. редактор С. А. Рубан

Техн. редактор О. А. Найденова

Корректор Л. В. Иванова

ИБ № 10845

Сдано в набор 16.11.89. Подписано к печати 08.01.90. Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № .2 Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,80. Усл. кр.-отг. 2,98. Уч.-изд. л. 3,47. Тираж 29 189 экз. Заказ 2048. Цена 15 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 901002.

Типография Всесоюзного общества «Знание». Москва. Центр, Новая пл., д. 3/4.

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

**Редакция начала работу по
подготовке к изданию в серии
«Философия и жизнь»
перевода книги Эриха Фрома
«Искусство любви».**

Книга будет опубликована полностью.

**Поскольку ее объем
значительно превышает объем
нашей брошюры,
планируется выпустить ее
в 2—3-х номерах серии
«Философия и жизнь».**

**Индекс серии «Философия и жизнь»
в каталоге «Союзпечати» — 70065.**

Н. А. Умов

Н. Г. Холодный

Дорогой читатель!

Брошюры этой серии в розничную продажу не поступают, поэтому своевременно оформляйте подписку.

Подписка на брошюры издательства «Знание» ежеквартальная, принимается в любом отделении «Союзпечати».

Напоминаем Вам, что сведения о подписке Вы можете найти в «Каталоге советских газет и журналов» в разделе «Центральные журналы», рубрика «Брошюры издательства «Знание»

Цена подписки на год
1 РУБ. 80 КОП.

*Наш адрес:
СССР,
Москва,
Центр,
проезд Серова, 4*